102.
уд
124

Аркадий Аверченко

Чудаки на подмостках

Новая книга пьесок

издательство
Просвещение

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

ЧУДАКИ НА ПОДМОСТКАХ

НОВАЯ КНИГА
ПЬЕС И СКЭТЧЕЙ
ДЛЯ СЦЕНЫ И ЧТЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОСВЕЩЕНИЕ", СОФИЯ
1924

РЗ реф 9
БИБЛИОТЕКА
КОМИТ[illegible] СТЕФЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
074
28

Типография „Новая Жизнь“, София.

Постановка помещенных в сборнике пьес без разрешения автора—безусловно воспрещается.

Я предпочитаю лучше сам калечить свои произведения, чем предоставлять это другим.

А. Аверченко

Приглашение в концерт

Действующие лица:

Писатель Аркадий Аверченко
Благотворительная барышня
Армянин
Распорядитель в концерте

КАРТИНА 1

Аверченко (*один, у себя дома — чистит фрак*). Приглашают меня участвовать в благотворительных концертах — почти каждый день и выбирают для этого приглашения время такое: восемь часов утра, половину девятого. . . Слава Богу, сейчас уже около шести вечера — и никого нет. Редкий денек! Хоть раз вздохну свобод. . . (*стук в дверь, влетает барышня*). Простите, я не совсем еще одет (*Надевает фрак*) Войдите!

Барышня. Спасибо! Я уже вошла.

Аверченко. Ах, вы уже вошли? Чем могу служить?

Барышня. Вы, — Аркадий Аверченко?

Аверченко. Я.

Барышня *(хихикает)*. А я думала, вы с бородой?!

Аверченко. Да, знаете, нет бороды. Некогда все. Дела разные. Некогда даже бороды отрастить. Голова не тем занята. Что вам угодно?

Барышня *(скороговоркой)*. Полтавское землячество в заседании своем от 17-го постановило вас принять, просить, участвовать, выступить на нашем концерте!

Аверченко. О. . . о! Не могу! Категорически не могу.

Барышня. Господи, Боже мой, ну почему не можете? Можете, можете, можете, — категорически можете!

Аверченко. А я, видите-ли . . этого.. как его? В этот день занят. Это которого числа концерт то ваш?

Барышня. А? 21-го!

Аверченко. Ну, вот видите: 21-го. А как раз 21-го я и занят. У меня этого. . . В этот день жена рожает.

Барышня. Позвольте. . . жена рожает — а вы то тут причем?

Аверченко *(обиженно)*. То есть как это я причем? Вот это мне нравится! Нет, не могу, и не просите даже. . .

Барышня. Жалко. *(Пауза)*. А мне вчера попался номер журнала „Сатирикон". Прочла я там рассказ. . . . Замечательный рассказ: такой тонкий, остроумный. Не знаю чей рассказ,—подписано: Аркадий Аверченко.

Аверченко *(просияв)*. Так это же мой рассказ!

Барышня. Ваш? Прелестный рассказ!!

Аверченко. Садитесь пожалуйста!

Барышня *(усаживаясь)*. Так разрешите, значить, за вами прислать? Можно к десяти? Карету пришлем—хорошая карета, пара лошадей и внутри студент Миша. Можно?

Аверченко. Да поймите же вы, чудак человек, что не могу же я. Даже странно, ей Богу. Это какого числа, концерт-то ваш?

Барышня. 21-го.

Аверченко. Ну вот видите! 21-го я как раз не могу. У меня отец болен, и к 21-му доктора обещали, что обязательно помрет! Посудите сами — до концерта ли тут?

Барышня. Умрет. Ну царство небес. . . Ох, что я говорю! Так не можете? Жалко! *(Пауза)*. У меня папы нет. . .

Аверченко *(равнодушно)*. Да что вы? Какой ужас!

Барышня. Я больше книжки читаю.

Аверченко. А, действительно, что же еще и делать. . .

Барышня. Вчера, например захожу в книжный магазин, говорю: дайте книжку Аркадия Аверченко — так приказчик мне в лицо рассмеялся; „что вы, говорит, барышня! С ума сошли? Эта замечательная книжка у нас уже давно с руками оторвана. . . "

Аверченко *(смягчившись)*. Да что вы го-

ворите? Садитесь пожалуйста! . .

Барышня. Я уже сижу.

Аверченко. Ага. Сидите? Ну, папиросочку. Курите? Пожалуйста! (*дает закурить*).

Барышня. Так можно, значит заехать?.. Студент Миша пятого курса, замечательный. Пара лошадей — замечательные! Карета. . .А оттуда мы вас автомобилем отвезем, 40 лошадиных сил, ей Богу. . .

Аверченко. Ах, Господи! Что за странная публика, ей Богу!. . Не ломаюсь же я, поймите, а просто не могу. В этот день у меня как раз . . это какого числа, концерт—то этот самый?

Барышня (*совершенно изумленная*). Что? 21-го?

Аверченко. Ну, вот видите! Так я и знал. Я вам скажу правду: у меня 21-го свадьба. Уже и невеста есть и все такое. . . Букеты. . . Шафер тоже. . . Миша. Ну поймите сами — до концерта ли тут?

Барышня. Женитесь? А, а. . . ну царство небесн. . . Нет, нет, что это я? Приятного аппетит. . . Ну, вообще я поздравляю. (*Пауза*). А я знаете, не женатая.

Аверченко. — Да что вы! (*равнодушно*). Какой ужас!

Барышня. Нет. Так только изредка. . . в театр пойдешь — вот и все. Вчера, например, была в театре — смотрела пьесу . . . Не знаю, чья пьеса, Бог ее знает. На про-

граммке, правда, написано — Аркадий Аверченко. . , Ах, вы, знаете, это такая чудная пьеса, я так смеялась, что даже горжетку потеряла, калоши переменила. Страшно остроумная штука!

Аверченко. *(польщенный, суетится)*. Садитесь пожалуйста!

Барышня. Я уже сижу.

Аверченко. Папиросочку?

Барышня. Курю.

Аверченко. Курите? Ага! Да, да. Очень мило. Очень мило. Ужасно бы я хотел вам помочь, да уж не знаю, как это и сделать.... Какого числа концерт-то этот?

Барышня. Какого числа? *(со стоном)* 21-го.

Аверченко. 21-го? Ах, вот когда! Понимаете, 21-го я как раз вечером *(быстро бормочет)* когда бы жизнь домашним кругом я ограничить захотел, и быть бы мне отцом, супругом. . .

Барышня *(ничего не разобрав)*. Ах, вот что! Заняты, значить. Очень жаль! Да, кстати. Какой смешной случай *(смеется)*. Еду я сюда, вдруг вижу на площади кому-то памятник ставят Сначала я думаю — кому бы это? А потом меня так и осенило: да, ведь, это же памятник Аркадию Аверченко! Я так обрадовалась, так обрадовалась! Вот, думаю, наконец то, догадались! И нужно всюду, всюду памятники Аркадию Аверченко! *(быстро)* город — памятник, деревня — памятник! море — памятник, мост — памятник *(наседая на него)*. Все памятники, памятники, па-

мятники! Так можно заехать? Студент Миша — 40 лошадиных сил! Карета пятого курса, пара лошадей юридического факультета, автомобиль 150 лошадиных сил, симпатичный. . . ну можно? Можно заехать, голубчик?

Аверченко (*совершенно обессиленный*). Ну что мне с вами делать. Заезжайте! (*Барышня радостно уходит*).

Аверченко (*один, к публике*). И вот наступает день концерта. . . Вы видели, как я встретил благотворительную барышню. Теперь вы увидите, как благотворительная барышня встречает меня в день концерта в 10 часов вечера (*уходит*).

Занавес.

КАРТИНА 2.

Сцена представляет артистическую комнату концертного зала. Стол, уставленный бутылками и закусками.

Барышня (*вбегает и кричит*). Но это же невозможно!.. Уже 10 часов, а привезли всего двух калек, да и то одного завезли по ошибке вместо другого концерта!.. В конце-концов, я плюну на все и пусть с концертом возится кто хочет. Хоть бы чорт какого нибудь завалященького принес!.. (*идет направо и сталкивается с армянином, радостно*). Здравствуйте, дорогой! Вас только и ждали.

Вся публика вас только и требует, билеты только на вас и брали. Страшный интерес к вам. . . Садитесь! Вы украшение нашего концерта, а остальные все, так—чепуха! *(усаживает его, отходит)*. Ну, что я с этим одним идиотом делать буду? Выпущу его, а потом что?. . . Хоть бы еще кого нибудь чорт принес. . . *(идет направо, сталкивается с Аверченко)*.

Аверченко. Ну, вот и я. Насилу доехал. Послушайте, сударыня. . . Это совсем неудобно! Ваш студент Миша оказался Васей и возил меня в карете, чорт его знает куда, часа полтора.

Барышня. Боже, как я вам благодарна, что вы приехали! Вас только и ждали. Вся публика вас требует, билеты покупали только на вас! Интерес к вам страшный, огромный! Вы прямо таки украшение нашего концерта, а все остальные *(в сторону армянина)* так себе. . . чепуха! Ноты захватили?

Аверченко. Ноты? Какие ноты?

Барышня. Да чтобы петь! Господи! Какие еще ноты?

Аверченко *(потрясенный)*. Виноват. . . Но я по нотам не умею. . . Я не того. . . Я читаю. . . Я писатель Аркадий Аверченко.

Барышня. Ради Бога простите, так замоталась. Пожалуйста, вот сюда. Ах, да. . . познакомтесь *(неловкая пауза, все сели рядом, барышня посередине)*. Да. . . да. . . Вот, вот. . . . Стаканчик чаю можно предложить?

Аверченко. Спасибо, не хочется.

Барышня. Ну, один, а?

Аверченко. Нет, право, не хочется.

Барышня. С лимончиком?

Аварченко. Нет!

Барышня. Жаль. А я такая ваша поклонница. Такая поклонница, — кекс?

Аверченко. Как-с?

Барышня. Да не как-с, а кекс!

Аверченко. Не хочется!!

Барышня. Ну, пирожное?

Аверченко. Да нет, право не хочется, не беспокойтесь. Я уже все ел, пил, спал. . . .

Барышня. Бутерброд, может? С сыром или с ветчиной?

Аверченко. С сыром? А ну его к чорту.

Барышня. Ах, у вас столько поклонников; винца?

Аверченко. Виноват?

Барышня. Винца, не хотите ли?

Аверченко. Нет! Не хочу. Понимаете, ниче-го!

Барышня. Ага. . . Так, так. . . А тянучек можно? У вас такие чудные вещи. Например эта „Преступление и наказание"? Какая обаятельная вещь . .

Аверченко *(угрюмо).* Это Достоевского вещь, не моя.

Барышня. Я и говорю — чудная вещь,

чудная, тянучку? Ну, одну тянушечку скушаете, сделайте одолжение! Я вас очень прошу!. . .

Аверченко. Одну? Ну, уж давайте (*берет тянучку, жует, вдруг у него делается отчаянное лицо*).

Барышня. Ну, что, готовы? Идемте! Вам уже выходить! Ради Бога. . . Публика требует! . .

Аверченко. Мммм. . . (*мычит, делая отчаянные жесты*).

Барышня. Что с вами такое? Что?! Ах, Господи! Тянучки ему зубы склеили! Ну, что мне с вами делать? (*бьет его по спине*). Выплюньте! Ну, скорей. . . Готово? . . Фу, у.. Ну, идите на сцену! (*Аверченко мимически, без слов, читает рассказ, барышня говорит армянину те же комплименты, что и Аверченко при встрече. Аверченко, окончив, возвращается*). Браво, браво. . . (*очень вяло*) бис, бис! (*к армянину*). . . так билеты берут только на вас, . Интерес к вам огромный! . .

Аверченко. Сударыня, я уже кончил свой номер. Прочитал, что надо.

Барышня. Ах, кончили? Ну и скатертью дорога (*к армянину*). Ах, все так волнуются, ожидая вашего выхода. Вы будете петь из „Демона"? Это у вас так чудно выходит! (*поет*). „Уж полночь, а Германа все нет". . .

Аверченко. Сударыня, мне бы домой надо!

Барышня. А кто вас держит? Идите!

Аверченко. Вы же обещали автомобиль!

Барышня. Ах, автомобиль? Пройдите прямо, потом налево, там такой распорядитель с усиками, бритый. (*Аверченко уходит*). А как у вас хорошо выходит „Русалка"!

Вбегает распорядитель

Распорядитель. Марья Николаевна! Что делать? Аверченко автомобиль просит?

Барышня. Автомобиль? Аверченко? Что вы ко мне все лезете?

Распорядитель. Но что же делать? Его нужно бы домой отправить!

Барышня. А отправьте вы его к чорту! Пешком дойдет.

Входит Аверченко

Аверченко. Ну, что же с автомобилем?

Распорядитель (*убегая*). А вот вы пройдете по коридору; налево. . . направо..- вам там устроит Петр Иванович. . . такой. . . с бачками, желтенький! . .

Убегает

Аверченко (*к барышне, разговаривающей с армянином*). Сударыня!

Барышня. Ну, что там еще?

Аверченко. Автомобиль бы мне. . .

Барышня. Да, что я вам. . . гараж что ли? Рожу я его, что-ли, вам?

Аверченко (*жалобно*). Ну. . . . карету . . . . я бы.. в карете. . Вы же обещали. . .

Барышня (*раздраженно*). Ах, как этот человек может надоесть! Выйдете, возьмите извозчика!!

Яверченко. Дождь же идет! Грязь! У меня лаковые туфли (*она отмахивается и разговаривает с армянином*). Сударыня. . . не могу. . . же я? Эх! (*машет рукой, закатывает брюки, поднимает воротник, уходит*).

Барышня. Сейчас ваш выход. Из какой оперы поете? Идите! Идите!

Армянин. Ми нэ паэм!

Барышня. Ах, значит, танцуете?

Армянин. Ми нэ танцуем!

Барышня. Играете?

Армянин. Какой играем? Нэ играем! Только на биллиарде. . .

Барышня. Читаете значить?

Армянин. Ми не грамотный.

Барышня. Так что же вы делаете?

Армянин. Шашлык дэлаем, чохохбили дэлаем, люля-кебаб, чебуреки дэлаем! Ми тут буфэт снымаем.

Барышня (*разъяренная*). Так какого же вы чорта все тянучки полопали?

Армянинн. Ти сам давал! Почему крычать?

Барышня. Пошел вон, дурак! (*глядя на часы*) Половина перваго. Ф-фу. Слава Богу! Кончился концерт!

Занавес.

Птичья головка

Диалог

Муж
Жена
Слуга

Утро. Оба сидят за чайным столом.

Муж (*отодвигая стакан*). Не могу я чай пить!

Жена. А что? Не сладкий?

Муж (*ворчливо*). Когда газеты нет—не могу чай пить.

Жена. Сейчас, вероятно, почту принесут. Может хочешь, вчерашнюю газету дам?

Муж (*сердито*). Зачем?

Жена. Если ты не можешь чай пить без газеты. . .

Муж. Очень умно! На нос нацепи себе вчерашнюю. . .

Жена. Ах, как вежливо!

Муж. Ну, посуди сама! На кой черт мне вчерашняя газета? Если бы я еще собирался

селедку в нее заворачивать... А то, ведь не читать хочется!

Слуга (*вносит почту*). Барин! Почту принесли!

Муж. Ага! Давай сюда! Давай! Вотъ журналы и письма.

(Берет газеты, разворачивает, погружаясь в чтение)

Жена. (*перекладывает письма, находит одно, откладывает, берет модный журнал, потом нервно отбрасывает журнал, распечатывает письмо зубами, рассматривая одновременно журнал. Читает письмо... рука с письмом опускается, на лице задумчивая улыбка*). Ах, мужчины, мужчины!.. Вот говорят, что женщины влюбившись, теряют голову... А я думаю, что нет ничего трогательнее, безтолковее, смешнее, и симпатичнее влюбленного мужчины!...

Муж (*испуганно*). А что? ... Надеюсь, ты это не обо мне говоришь?

Жена. Ну, куда там тебе! Сиди уж. Просто я сейчас получила письмо от совершенно незнакомого мне господина... и представь себе очень красиво пишет о своих чувствах...

Муж (*читая газету, хладнокровно*). Просто дурак какой нибудь.

Жена. Почему же дурак? Уже сейчас и дурак! Значит, и ты был дурак, когда в свое время из'яснялся в любви ко мне?

Муж (*убежденно*). Ну конечно! И я был дурак! Безусловно! Форменный дурак!

Жена. Очень мило! Благодарю вас!

Муж. Не стоит благодарности! Курите на здоровье.

Жена (*обиженно пожимая плечами*). Муженька Господь послал!

Муж. Замечательного!

Жена (*читает письмо*). „мое бесценное сокровище“ . . . обрати внимание: человек еще даже не знает меня, а уже считает „бесценным сокровищем“ . . .

Муж. Вот потому и считает, что не знает. А интересно, что он запоет, когда узнает тебя по ближе?

Жена. Ты думаешь он поет ?

Муж (*в ужасе хватается за голову*). О-о-о!

Жена. Из чего это видно? Не понимаю! (*читает*) „другие. может быть, назовут пошлой дерзостью то, что я пишу вам такое письмо, даже не будучи знаком с вами, но если вы так уже умны, как и красивы, — вы не сочтете мой поступок дерзостью“ . . . я и не считаю!

Муж (*ядовито*). Еще бы ты считала!. . .

(Читает газету).

Жена (*читает*) . „. . . Благословляю тот счастливый случай, который привел меня третьяго дня в „Аквариум“. . . А знаешь, начиная с этих строк, бедняга совершенно потерял от страсти голову! Ха, ха, ха! Обрати внимание: он пишет „Аквариум“, в то время, как мы были в „Аркадии“. Помнишь, тогда? До чего

у человека все в голове перепуталось? . .

Муж. Да, может быть он тебя спутал с кем нибудь другим? А? С другой дамой?

Жена. Чепуха! С кем это он меня может спутать ? *(читает).* „...Сердце мое сжималось сладко и мучительно, когда ваша милая головка показывалась у окна кабинета..."

Муж Постой, постой! Как это твоя „милая головка" могла показываться у окна кабинета, когда мы сидели внизу в общем зале!! Тут что-то непонятное!

Жена. Для кого непонятное, а для кого и понятное! Очень просто: значит он сидел в кабинете, а мы снаружи, и моя, как он говорит „милая головка" показывалась у окна кабинета. . .

Муж. Однако не думаю, чтобы твоя „милая головка" достигала окна второго этажа!

Жена. Он этого не говорит!

Муж *(кричит раздраженно).* Да ведь кабинеты во втором этаже! ! !

Жена. Я не виновата, друг мой, что кабинеты так по дурацки устроены. Ну-с, дальше.. *(читает)* . . .„Я не знаю, кто эти двое мужчин, которые сидели с вами". . постой-ка! Кто был тогда с нами?

Муж *(ядовито).* Мы были втроем: ты, твоя тетка, и я!

Жена. Значит, он мою тетку за мужчину принял? О, Боже! Боже! Недаром говорят, что любовь слепа!

Муж. Хорош гусь! Принять тетку женского пола за мужчину мужского пола! Теперь ты согласна, что тут какая-то путаница?!

Жена. О, да, да, да! Я вижу, ты бы очень хотел этого? Еще бы. . .

Муж. Да как же можно женщину за мужчину принять?

Жена. Мало ли что? У тетки действительно. . . вообще очень. . . такой. . мужественный вид! И потом — человек смотрел только на меня! Понял? . . Все остальные для него только ненужная декорация! . .

Муж (*угрюмо*). Гм! . . и я тоже ненужная декорация?

Жена. И ты декорация!

Муж. Ну, знаешь ли? . . Декорации тоже иногда на голову падают. Да так шлепнут, что мозги навылет!

Жена. Я знаю, что ты ни на что другое не способен! Да. . . а! (*читает*) . . . . „Те двое мужчин, которые сидели с вами. . Но если седой толстый господин в смокинге — ваш муж — не думаю, чтобы вы любили его. . .“ Заметь: он маскирует свои чувства хладнокровным тоном, но, верно, бедняга втайне жестоко страдает! . .

Муж. Интересно, кого он принял, за „седого толстого господина“:—тетку, меня или тебя?

Жена. Не будь пошляком!

Муж. (*насмешливо*), Милая! Да какой же

я толстый? Какой я седой? Какой я в смокинге, когда я был в коричневом сюртуке?

Жена. Очень ему нужно разбираться, в смокинге ты или в сюртуке! Только ему и дела!

Муж. А седой-то? Ну, какой я седой?

Жена. Ты почти блондин. А блондины вечером кажутся седыми. . . (*быстро*), Преломление лучей!

Муж. Чего, чего?

Жена. Преломление лучей!

Муж. Именно! Оно самое! А толстым я кажусь тоже от „преломления лучей"?

Жена. А что же ты худенький, что ли? Слава Богу, четыре с половиной пуда!

Муж. А скажи, сколько ты весишь? Ну, ну? Что же ты молчишь? Скажи, не бойся!

Жена (*бормочет что-то*).

Муж. Сколько. . . Сколько?

Жена. Это тебя не касается! Три пуда семьдесять. Ах, да дело не в этом! Ты все перебиваешь меня. . .„но то, что вы изредка кокетничали с другим господином — пронизывало мое сердце отравленными стрелами". . .

Муж (*хихикая*) . С другим — это значит — с теткой. Действительно, обидно! Если уж женщина со своей собственной теткой кокетничает — дело швах!

Жена. Конечно, конечно! Тебе непонятно, что человек мог совсем потерять голову . . .

Муж. М.. да... Потерял голову. Ну, кто и найдет ее—не обрадуется.

Жена *(торжествующе)*. Я так и знала, ты ревнуешь! А ну, что дальше?... „Я не могу себе представить, чтобы кто нибудь другой обвивал руками вашу тонкую талию и целовал ваши черные, как ночь, волосы"...

Муж. Ну, послушай! положа руку на сердце,—можно назвать твою талию тонкой?

Жена *(обиженно)*. Если тебе не нравиться —ищи себе другую!

Муж. Не стоит! Лень! Сойдет и эта. А знаешь, твой этот новый поклонник—наверное парикмахер.

Жена. Почему?

Муж. Ну как же: взял да и перекрасил твои волосы в черный цвет.

Жена. Он этого не говорит!

Муж. Как же не говорит! Там он сравнивает твои волосы с ночью, что ли...

Жена. Ночи бывают разные!... Бывают и черные и белые.. Вот у нас, в Петербурге, всегда белые ночи.. *(сердито)*. Ах, милый мой! Если захочешь критиковать человека — всегда можно придраться! Просто он писал так, как чувствовал. . . *(читает)*. „. . . Счастливый случай дал мне возможность узнать ваш адрес от Жоржа Крюкова" . . . *(в недоумении)*. Это что еще за Жорж?

Муж *(пожимая плечами)*. Тебе лучше знать!

Жена. Откуда ж мне знать? Это, наверное

один из твоих ресторанных забулдыг знакомых . . . Знакомитесь с кем попало . . . Обнимаетесь, чорт знает, с кем попало . . . „ . . .от Жоржа Крюкова, жениха вашей свояченицы Клавдии" . . . С ума сошел человек! Какая свояченица?

Муж (*ехидно*). Он же говорит — твоя!

Жена. Почему моя? Может быть, твоя?

Муж. Да, да! Я ее до сих пор в кармане прятал, а теперь выну, вот тут на стол поставлю . . . Получайте, дескать! Новая родственница! Ха-ха!

Жена. Нечего хихикать! Обрадовался!

Муж. Да, милая моя! Ни свояченицы, ни твояченицы, ни мояченицы — у нас нет!

Жена. Поразительно умно. Просто человеку не до того было, он все и перепутал.

Муж. Да как же это можно все перепутать, решительно все?! Что он, алкоголик или сумасшедший? Не понимаю! Удивительно, как этот идиот . . . (*поднимает конверт с пола, брошенный женой*) . . . Как этот идиот еще адреса не перепутал (*читает адрес*). Постой, постой... Гм. . . Тебя зовут Александрой?

Жена (*вскакивает и читает конверт через плечо мужа*). Ну, а то как же . . . конечно, Александрой! Вот видишь, и тут написано: „Александре" . . .

Муж. Постой. Твое отчество: Стапановна?

Жена. Ну, что за вздор! Где там Степановна?

Муж. Тут, дорогая моя, Александра Ивановна, стоит ясно: „С т е п а н о в н е"!

Жена. Боже! какой ты безтолковый! Да какая фамилия на адресе? Фамилия?

Муж. Да, фамилия хорошая; не твоя, правда, и не моя, но хорошая, звучная: Чебоксаровой!

Жена. Господи! Неужели, он и фамилию... ошибся?

Муж. Ну, пустяки, что такое фамилия... зато улица наша!

Жена. Ну, вот видишь, видишь!

Муж. Наша! Наша! и номер дома наш! Квартира, правда, на три номера больше... Но это, конечно, мелочь...

Жена. В таком случае я ничего не понимаю (*садится*). Ну хорошо, если вы такой умный, обясните! В чем тут дело?

Муж. В чем! Очень просто: (*садится, приблизив к ней через стол лицо*) письмо не тебе адресовано!

Жена. Нет, мне. Только, что адрес немножко спутал...

Муж. (*зловещим шопотом*). Не тебе!

Жена. *(сердито)*. Мне!

Муж. (*яростно*) Не тебе!

Жена. Мне!!! мне!! (*пауза, отворачиваются друг от друга)*. Как бы оно иначе попало? Только, что волосы спутал!

Муж *(передразнивая)*. „Волосы". Все, все как есть, все до крошечки спутал.

Жена *(сердито)*. Нет, не все!

Муж. Все!

Жена. Не все!

Муж. *(яростно)* Все!!!

Жена *(во все горло)*. Не все!!! *(поворачиваются друг к другу спинами. Пауза)*. И насчет тебя пишет все правильно, и на счет „Аркадии"...

Муж. *(злобно и тихо)*. „Аквариума"!

Жена. „Аркадии"!

Муж. *(яростно)*. „Аквариума"!

Жена. „Аркадии"! „Аркадии"! Аркад".. !!!

(Входит слуга)

Слуга. Барин, вам не попало ли по ошибке письмо г-жи Чебоксаровой? Из 11-го номера!

Жена. Какой Чебоксаровой? *(яростно)*. Какая еще Чебоксарова?

Слуга. Такой, Александры Степановны. Они в одиннадцатом. Брюнетка такая, тоненькая из себя. Почтальон всю ее почту вам сунул.

Жена *(подбирает письма и газеты, швыряет яростно слуге)*. Чорт бы вас взял с вашей Чебоксаровой! Лезут тут не вовремя *(слуга ушел. Муж, покачиваясь на стуле, хохочет)* А ты чего? Разодрал рот до ушей и гогочет. Вместо того, чтобы разобрать почту, сейчас же

за газету схватился! Газета тебе нужна? Политика тебе нужна?! Ллойд-Джорджем хочешь сделаться?! Успокойся, милый. Выше своего носа не прыгнешь... *(вырывает газету, комкает. К публике)*. А вы чего... *(передразнивает)*. Го-го-го! Чего смеетесь? А, ну вас всех к черту. Давайте занавес!

Занавес.

Сердцеед

Диалог

Она
Он, сердцеед

Уголок городского сада. Скамья. Над ней развесистая липа. 4 часа дня. На скамье сидит Она с журналом в руках. Читает. Она молода, красива. Появляется Он. Изящно одет. В петлице цветок, из бокового кармана виден кончик шелкового платка. Тип фланера. Лакированные полуботинки. Замечает Ее, Несколько раз проходит мимо, заглядывая под шляпку. Наконец вынимает свой шелковый платок и, проходя мимо дамы, роняет у ея ног, на обратном пути поднимает.

Он. Pardon, сударыня, платочек обронили!..

Она. Merci (*берет и, не глядя, прячет*).

Он. А? (*один момент смущен, растерянно смотрит на публику, потом садится рядом. Пауза*). Поразительный народ эти турки! Все режут и режут армян; и каждый раз пишут, что у них такая резня, которой старожилы не запомнят! А что такое старожилы, в сущности говоря?.. Не правда ли, сударыня? А? Да. Ведь старожилом сразу не сделаешься! Старожилом надо делаться постепенно. Сначала, скажем, человек молодожил, молодожил,

потом среднежил, среднежил и только уж в самом конце, к закату своей жизни — делается старожилом! . . . А ? . . Да ! . . (*Пауза. В сторону*). А она кремень ! Твердая! . . Сам черт ее не расшевелит.. (*ей*) Скажите, Вам сигара не помешает?

Она (*отрывисто*). Нет! . .

Он. Знаете, мне бы тоже, собственно говоря, не помешала хорошая сигара — так забыл купить! Что мне делать со своей паметью ? (*слегка дотронулся до ея плеча, она отодвинулась*). Совершенно не понимаю. Голова — форменное решето. Все вылетает, сударыня! . . А? . . Да. . . (*Пауза. Мечтательно*). Где то теперь моя бедная мама? Вспоминает ли она обо мне, о своем кудрявом малютке?! (*вздыхает, пауза*). Скажите, сударыня, это дерево — липа?

Она (*мрачно*). Липа!

Он. Mercі. (*в сторону*). Очевидно она отвечает только на прямо поставленные вопросы (*ей*). Вообще, знаете, ботаника моя страсть (*она гровно на него смотрит, он неуверенно продолжает*)... И зоология ... тоже ... и эта ... как ее ... миреланогия (*она отворачивается*). Вообще, знаете, наука, как-то укрепляет! А?! . Да... (*пауза*). Что это мне из деревни перестали писать ? ! Не пишут и не пишут! Чорт его знает! Что бы это значило?! Как вы думаете?.. А?! . . Я прямо начинаю беспокоиться! (*пауза*). Вот ботинки, новые купил. . . Хорошие?. . 25 целковых, лак·рованные! Я, вообще, знаете, того мнения, что уж если по-

купать вещь — то хорошую! Что, в самом деле?..

Она (*неожиданно*). Послушайте! Меня не то возмущает в вас, что вы самым нахальным образом заговариваете с одинокой женщиной! Мы, женщины, к этому уже привыкли! Но меня возмущает то, что вы это возвели в какой то спорт, в ежедневное обычное занятие и сейчас же забываете ту женщину, которую вы затронули! Что за подлая небрежность! Неужели, вы забыли, что мы с вами уже знакомы? Как же!.. 3 месяца тому назад, вы пристали ко мне в вагоне трамвая, и я была так малодушна, что познакомилась с вами! Вы еще провожали меня! И теперь, когда это знакомство совершенно вылетело из вашей пустой головы — вы начинаете все снова.

Он (*встал, высокопарно*). Сударыня! Я очень рад, что и вы вспомнили меня! Если сказать правду, то я сейчас поступил так невежливо потому, что боялся . . .

Она. Чего?

Он. Ну этого?..Как его? Что вы совершенно выкинули меня из головы! . . . А чтобы я забыл?! . . Сударыня! Разве можно забыть эти чудные мгновенья, которые горят неугасимым пламенем в моей наболевшей душе. . . Господи! Господи! . . . Эта встреча! . . Этот трамвай! . . Как же! Помните, еще вы сидели в вагоне с правой стороны. . .

Она. С левой!

Он. А? . . . С правой!

Она (*твердо*). С ле-вой!!!

Он. (*жалобно*). Ей Богу, с правой!

Она. (*громко, отчеканивая*). С л-е-в-о-й!!!

Он. Ну, да. С левой стороны по ходу вагона и с правой, если считать против хода .. Вы еще были в шляпе, верно?

Она. Я думаю. . .

Он. Ну, да. Я тоже думаю . . . Еще, помните, кондуктор кричал: „нет местов! нет местов!" Удивительно симпатичный человек. Чудный! Помню, он еще нам дал по билетику, такой билетик. . . . маленький (*она смотрит на него в упор, он смущается*). Вам и мне . . .мне и вам . . . (*Пауза*).

Она (*загадочно*). А вы помните, как вы меня провожали домой?

Он. (*загораясь*). О, сударыня! Как я мог забыть. (*Хватает ее за руку, прижимает к груди*). Эти упоительнейшие минуты моей жизни горят ярким неугасимым пламенем в моей наболевшей груди! (*другим тоном*). Вы там же живете?

Она. Где?

Он. Ну, там . . . Куда я вас провожал.

Она (*зловеще*). А к-у-д-а вы меня провожали?

Он. Ну, это . . . Как же... Господи! . . Ну, еще я помню, вот такие по бокам дома, дома, а посредине пустое место. . .

Она. Совершенно верно! Пустое место! Пустое . . . и знаете где? В вашей дурацкой голове! Послушайте! Вы! . . Ни в каком трамвае

я с вами незнакомилась, да и вижу то я вас первый раз в жизни. Просто мне захотелось проверить: помните ли вы все ваши случайные встречи, мимолетные знакомства и интрижки! . . . Оказывается, их у вас так много, что уж об отдельных женщинах вы и не помните! . . . Какой позор! И это человек, который чему то учился, что то читал, чем то интересовался, кроме . . . армяно—турецкой резни и лакированных ботинок! . . . Смотреть на вас противно! . . . Прощайте! . . . Вы!.. Ботаник! (*Ушла. Пауза*).

Он (*передразнивая*). „Ботаник!" (*убежденно*). Дура! Что она все путала . . . знаком, не знаком . . . не знаком—знаком . . . Вас много, а я один. Разве я могу всех упомнить . . . „Ботаник! Ботаник". . . ушла. . . (*плачевно*) и платочек мой шелковый унесла (*лицо постепенно светлеет*). Впрочем, ничего . . . (*достает 4 платка, раскладывает на скамье*). Еще на четыре штуки хватит!

Занавес.

Драма в доме Букиных

Действующие лица:

Букин — Марк Ильич, 40 л.
Елена Борисовна — его жена, 24 л.
Николай Сергеевич, — 30 л.

Действие происходит в будуаре Елены Борисовны. 5 час. дня.

ЯВЛЕНИЕ 1

[На диване сидят, нежно обнявшись, Елена и Николай]

Елена. Вот, ты мне все говоришь, что любишь, любишь меня, а как любишь — и неизвестно.

Николай. То есть, что значит: как люблю? Просто люблю, да и конец.

Елена. Расскажи мне о своей любви.

Николай. Рассказать? (*пауза*). Да что ж тут рассказывать. Ну. . . люблю тебя очень, крепко. . .

Елена. Больше чего, например, ты меня любишь?

Николай. Ну. . . этого... Больше жизни. .

Елена. Серьезно? Вот спасибо. Ну, а если-бы тебе предложили миллион рублей или меня,—что бы ты взял?

Николай. Ясно дело—тебя!

Елена. Вот это здорово! А если-бы предложили сделаться голландским королем, с тем чтобы ты со мной расстался,—чтобы ты выбрал?

Николай. Я? Я бы сказал: подавитесь вы вашим голландским королевством, — отдайте мне Леночку.

Елена. Смотрите-ка, какой он! Это очень мило с твоей стороны. Мой муж, наверное бы мне этого не сказал. Ты лучше!

Николай. А еще бы! Я тебя люблю по настоящему, а он так себе—с пятого на десятое.

(В это время из дверей показывается голова мужа. Он прячется за портьерой).

Елена. Послушай! Ну, а если-бы вышло так, что одного из нас двух нужно было-бы казнить—тебя или меня, на выбор. . . Понимаешь? И чтобы этот выбор был предложен тебе: кого-бы ты выбрал для казни: себя самого, или меня?

Николай. И ты еще спрашиваешь?! Неужели не догадываешься?

Елена. Нет, миленький. . .

Николай (*вскакивает с дивана, стоит, гордо скрестив руки*). **Неужели ты можешь сом-**

неваться?! Я сказал бы: эй, вы—палачи! Вешайте меня, стреляйте меня, но ее оставьте в покое!.

Елена (*подразнивая*). Ну, неужели тебе не было-бы жаль жизни? А? Ты такой молодой, перед тобой чудесное будущее, все тебя любят. Скоро будет цветущее, теплое, ароматное лето, в лесу зелень, пахнет сосновыми шишками, золотые пчелки жужжат под яркими, озаренными солнышком цветами, в саду сирень . . . А вечером . . . из окна тихие звуки рояля, в бокале золотое искристое вино, нежная рука ласкает твои волосы, ночные бабочки бьются около свечного колпака, пахнет цветущим жасмином — и всего этого, подумай, по моей, по моей милости, ты должен будешь лишиться. И навсегда! Понял ты это словечко: н а в с е г д а! Неужели не **жалко?**

Николай (*горячо*) Для тебя? Ради твоего счастья и жизни? Знаешь что? Я очень, по настоящему, искренно жалею, что все это одни пустые беспочвенные разговоры. А случись это в действительности, — ты бы своими глазами увидела, как я искрен и как бы я мужественно и безропотно пошел за тебя на смерть.

Елена. Да . . . жаль, что в действительной жизни не бывает таких случаев, чтобы любимый выбрал между своей и ея жизнью.

(Целует его).

ЯВЛЕНИЕ 2.

Из за портьеры показывается муж. Оба в ужасе вскакивают.

Елена. Марк!

Муж *(протягивая вперед руку, вооруженную револьвером).* Стоп! (*громовым голосом*). Ни с места! Я все слышал!! *(к жене)* Ты ошибаешься... По моему такие случаи, об отсутствии которых вы оба только что жалели, бывают в жизни... Вот, например, даже сейчас, из вас двух—умрет ты или он?

Елена (*падает на колени, простирая к мужу руки).* Марк! Пощади...

Муж *(бешено).* Прочь! Довольно!!

Николай *(с достоинством).* Елена Борисовна! не нужно перед ним унижаться. Стоит-ли. Я один отвечаю за все!

Елена. Марк! Выслушай меня.. Я...

Муж. Ну, баста! Ни слезы, ни оправдания тебе не помогут ... Все слишком ясно. Ты, конечно, можешь оставаться пассивной, — выбор сделает он! *(торжественно).* Ну, милостивый государь!... Во имя права и справедливости, во имя защиты моего семейного очага—один из вас двух должен умереть... Выбирайте! Укажите-же—кто?

Николай (*после минутного молчания, твердо и решительно, подняв гордую голову*). Убивайте меня! Она не причем, Это я вскружил ей го-

лову и увлек... (*с кривой улыбкой*). Что ж... я готов: стреляйте!

(Поворачивается лицом к Марку).

Елена (*падает к нему на грудь*). Любимый, прости меня!.. (*рыдает*).

Николай. Не плачь, мое солнышко ... я счастлив, что могу подтвердить свои слова так скоро... Ступай, милая. Тут тебе не место!

(Подталкивает ее к дверям. Елена, схватившись руками за голову, с болезненным криком убегает)

ЯВЛЕНИЕ 3.

Марк и Николай—одни.

Николай (*гордо*). Что же вы—стреляйте! Я от своих слов не отступаю.

Муж. Вы мужественный человек, но... это вам не поможет. Я вас все таки убью. (*Наводит на него револьвер*). Кстати, у вас, может быть, есть какое нибудь последнее предсмертное желание и просьба?

Николай (*закрывает лицо руками, задумывается*). Да! У меня есть единственная привязанность-мать... моя бедная матушка!... Я оставляю ее без всяких средств... Все мои деньги — в бумагах... Послушайте! Если в вашей душе есть еще капля человечности и доброты, то сделайте для меня то, о чем я вас попрошу... тогда я умру, не проклиная, а благословляя ваше имя...

Муж (*сурово*). Вы скажите мне, что я дол-

жен сделать и сейчас же после этого — умрете. . . Ну?

Николай. Благодарю . . . Вы . . . знаете банкирскую контору Шлиппенбаха, Гаузе и К-о. . .

Муж. Да, конечно. Знаю очень хорошо.

Николай. Так вот: у них лежат мои акции, в которые я вложил все свои деньги. Восемьсот штук Спиридоновского угольного товарищества. Пусть Шлиппенбах их продаст и. . .

Муж *(усмехнувшись, иронически).* Гм! Я вижу, вы в любви больше понимаете, чем в делах. . . Не очень-то хорошо будет обезпечена ваша матушка. Ведь эти акции ничего не стоют!

Николай *(спокойно).* Я думаю, что вы ошибаетесь. — Позавчера еще оне стоили по 115.

Муж. Позавчера? Хм! . . Позавчера! . . . А вы вчерашнего бюллетеня не читали?! Да знаете ли вы, что вчера сделалось известным, что под'ездной путь мимо Спиридоновки министерством не разрешен, и акции сразу шлепнулись рублей на 50.

Николай. Это вздор! А я вам скажу, что под'ездной путь будет, и тогда они сделают дополнительный выпуск акций. . .

Муж *(машет руками).* Так поздравляю вас! Дополнительный выпуск именно и не будет сделан!

Николай. Да? Вы так думаете? А что же,

по вашему, значит эта статейка в — „Финансовой Газете"?

Муж. Какая статейка? Что вы говорите? Где?

Николай. А вот у меня. Тут. Вот — можете ее пробежать.

(Вынимает из кармана газету)

Муж (*лихорадочно выхватывает у него газету*). Гм. . . Да! Вы думаете, что это по поводу Спиридоновского под'ездного? Во всяком случае, это очень симптоматично Чего-ж вы стоите, будьте добры, присядьте. Но ведь, если это так. . . виноват, ваше имя отчество?

Николай (*расшаркиваясь*). Николай Сергеевич.

Муж. Очень приятно. Марк Ильич Букин. Не присядете-ли, Николай Сергеевич? (*садятся*). Вы знаете: действительно, статья наводит на размышления. Кем она подписана?

Николай. Какой-то „Финансикум".

Муж. Да позвольте! Я его знаю. Что, если поехать к нему и попытаться узнать: действительно ли у него есть данные, что министерство иначе взглянуло на этот вопрос?

Николай. Что-ж, это идея. Вы его адрес знаете, Марк Ильич?

Муж. Конечно, Николай Сергеич! Мы его, вероятно, еще застанем дома.

Николай. У меня и лошадь стоит за углом.

Муж (*весело*). Расчудесно (*вынимает из кармана портсигар, протягивает его Н. С.*). Легкие любите?

Николай. Я тоже курю легкие. Мерси. Ничего, у меня есть зажигалка. А, проклятая. . . Опять не горит.

Муж. Нате мою, Николай Сергеич!

Николай. Благодарствуйте. Скажите, а мы там недолго задержимся? А то я и пообедать не успею.

Муж (*радушно*). Так, может быть, у меня пообедаем? Я оставлю жене записку. С'ездим, вернемся и пообедаем. Как вы на это смотрите, Николай Сергеич?

Николай. А что-ж. . . не плохо.

Муж (*садится за стол, пишет записку, прижимая ее пресс-папье*). Вы понимаете, если они упали сейчас до 60, то ведь их завтра можно скупить за гроши. И если после-завтра выяснится, что под'ездной путь будет — так мы с вами загребем столько, что. . .

Николай (*хлопая его по плечу, фамильярно*). Вот, вы еще больше копайтесь, так мы и к этому суб'екту опоздаем.

Муж. Сейчас, сейчас. Вот я положу тут жене записку, на видном месте — и летим! Где ваша шляпа? (*оба ищут шляпу*). Да куда вы ее положили, помните?

Николай. Да я ее, помнится, за это. . . . за диван сунул.

Муж (*становится на колени, лезет под диван*). Вот она! Ишь ты, как запылилась (*чистит*

шляпу). Едем, едем, а то, ей Богу, опоздаем!

Николай (*поправляет перед зеркалом шляпу*). Успеем. Над нами не каплет (*берет мужа под руку*).

Муж. Пожалуйте, вы первый.

Николай. Нет, уж вы идите вперед, вы хозяин! (*пропускает его первым*).

Муж (*любезно*). Никогда не допущу этого, — вы мой гость! (*препираются некоторое время*).

Муж. Ну, тогда вместе. (*Выходят напевая: „Торреадор, смеле-е-е в бой . . .“*).

ЯВЛЕНИЕ 4

Вбегает Елена. Лицо ея искажено страданием.

Елена. Нет? Ушли? (*со стоном*)Я так и знала! Американская дуэль! Или. . . . А! (*увидев на столе записку*). А-а! Записка! Боже! . . Подкрепи меня! (*с ужасом протягивает к записке руку, несколько раз отдергивает ее, как от змеи, наконец, хватает записку. Читает. Испускает жуткий, пронизительный крик Лицо, полное ужаса. На авансцене*). Ну вот! Так я и знала! Какой ужас! Пригласил человека обедать в то время, когда у нас, кроме супу и картофельных котлет — ничего нет! И о чем этот дурак думает — не понимаю!!

Занавес.

Самоубийца

Комедия в одном действии

Действующие лица:

Билевич — самоубийца
Инженер Берегов — его приятель, очень умный человек
Лиза — горничная Билевича.

Действие происходит ночью в кабинете Билевича. Билевич один, разговаривает по телефону.

ЯВЛЕНИЕ 1

Билевич. — Итак, вы говорите, что все между нами кончено?! Что? А вы помните, что я вам сказал? Что, когда вы уйдете от меня — я умру. Что? Как, от чего? Неужели вы думаете, что я хоть один день могу прожить без вас. . (*страшно*) без тебя, моя милая, моя единственная, как теплое солнышко на небе. . . И скажите: почему вы так странно уходите от меня? Даже не зашли. Разве можно об этом так сухо. . . сообщать по телефону? Ну, скажите. . . что же случилось? Вы разлюбили меня. . . Что? По-

любили другого? *(яростно)* О, чор-рт! Ну, и прощайте! Довольно мне этого!! Больше вы обо мне не услышите!!

(бросает трубку, нервно ходит по комнате, ероша волосы, останавливается лицом к публике, нахмурившись. На лице мучительное выражение внутренней борьбы. Подходит к письменному столу, выдвигает ящик, вынимает револьвер. Садится в кресло, прикладывает револьвер к виску).

ЯВЛЕНИЕ 2

Горничная Лиза.

Лиза *(быстро войдя, видит револьвер у виска Билевича, бросается к нему, хватает револьвер... недолгая решительная борьба. Она отнимает у него револьвер).* Что вы это, барин, что?! Опомнитесь!

Билевич. Отдай!! Ты не имеешь права! Это не твое дело! . .

Лиза. Барин, голубчик. . . Да что вы это? Грех-то какой! Нет, не допущу я до этого! И с чего вы, право? . ,

Билевич. Отдай мне револьвер, слышишь!!

Лиза *(плача).* Убейте вы меня, на кусочки разрежьте—не отдам! Нешто возможно такое? Так его заброшу, что вы до самой смерти не найдете!! *(Плача уходит).*

Билевич один

Билевич *(садится у стола, положив голову на руки. После паузы, медленно поднимает голову, снимает телефонную трубку).* Ялло! Центральная? Дайте 27-09. . . . .Да. . . . Благодарю

вас. Это квартира инженера Берегова? Простите, голубчик, что разбудил. Сам знаю, что в час ночи никто не звонит. Да. . . . дело знаете подошло такое. Ради Бога, не браните меня. Вот что. . . Вы можете сейчас же, сию минуту, придти ко мне? Можете особенно не одеваться—я один... Умоляю... Дело идет о жизни человека.... Придете?!! Ну, спасибо... Тут ведь недалеко, всего два квартала! . . (*вешает трубку. Сидит понурившись. Потом снова снимает трубку, бросает ее, после некоторой борьбы снова снимает, звонит*). Дайте мне, пожалуйста, 17-18. А? Барышня, дайте длинный звонок. Там могут спать. Спасибо! . . (*слушает*). А. . . Это квартира Лидии Михайловны? Попросите ее к телефону. Что? Уехала? Куда уехала?! Я ведь только сейчас с ней разговаривал! Уехала? С кем? С Тамариным? Слушайте, Паша. . . Когда она со мной разговаривала давеча, он был у вас или нет? Что-о? Был? Тоже сидел около телефона? (*опускает трубку*). Боже мой. . . Какой позор, какая подлость! . . Ну, что-ж. . . Конец, так конец! . . (*снова прикладывает трубку к уху*). Слушайте, Паша. . . Алло! Паша! Вы у телефона? . . Гм! . . Ушла. Ну, да все равно. Один чорт!

ЯВЛЕНИЕ 3.

Входит Лиза.

Лиза (*плача*). Там я... барин... Постель вам приготовила ... Ужи... (*всхлипывая*)

Ужи... нать будете? Я бы и вина подала...? Я?

Билевич. Отстань ты от меня со своим ужином. Вот еще толстокожее животное!...

Лиза. У меня и...(*плача*) и вареники есть.. и кот...леты!...

Билевич. Отдай их черту в зубы!

Лиза. Может, котлеты не любите?...Я бы яичницу... Или в смятку...

Билевич. Сапоги ты мне сделай в смятку! Проваливай! (*звонок*). Пойди, открой. Это Берегов.

(Лиза убегает направо. Билевич уходит налево).

Сцена пуста.

Берегов, входит растрепанный, без воротника, за ним Лиза.

Лиза (*плача*). Да что же это такое будет, барин?... Хоть бы вы его урезонили... Нешто можно среди белого дня человеку стреляться на ночь глядя...

Берегов. Хорошо, хорошо, ступай. Позови своего барина, скажи — я пришел!...

(Лиза уходит)

ЯВЛЕНИЕ 4.

Билевич входит один.

Билевич. А! Берегов! Здравствуйте! Когда вы узнаете *зачем* я вас звал, вы перестанете пенять на меня, что я вас поднял среди ночи. Садитесь. Курить хотите? Вот папиросы, спички, вино. Пейте, курите и слушайте.

(Берегов закуривает, наливает вина в стакан, усаживается поудобнее)

Берегов. Я готов. Слушаю.

Билевич (*после паузы*). Берегов! Вы знаете, зачем я позвал вас ночью к себе? Потому что вы человек без предрассудков.

Берегов (*спокойно*). Это верно.

Билевич. И вы серьезно можете отнестись к тому, что вам скажут.

Берегов. И это верно.

Билевич. И вы не будете хныкать и плакать, а примете всякое известие, как мужчина.

Берегов. И это верно.

Билевич (*наклоняясь к нему*). Ну так вот— мой милый, спокойный, рассудительный Берегов... я решил умереть!

Берегов. Гм!...

Билевич. Вы кажется сказали гм!... Это что — возражение?

Берегов. О, нет, что вы! Это просто громкое выражение тихого размышления.

Билевич. А каким образом вы размышляете?

Берегов. Думаю я сейчас так: вот человек, который очевидно, твердо решил покончить все счеты с жизнью. Отговаривать его от этого-было бы смешно, глупо и бесполезно.

Билевич (*схватывая его за руку*). О Берегов! Как вы все понимаете, и как с вами легко!... Вы сразу почуяли всю железную решимость мою, всю непреклонность! Я категоричен — понимаете ли вы это?

Берегов. Ну, еще бы! Это сразу видно Теперь выкладывайте поскорее: что вам нужно от меня?

Билевич. Помните, вы говорили мне, что у вас есть яд, купленный вами у спившагося фармацевта? И будто яд этот убивает быстро и без боли.

Берегов. Есть. Верно.

Билевич. И вы... могли бы дать мне его?

Берегов. Дам. Отчего же.

Билевич. Вы истинный друг, Берегов.

Берегов. Ну-с? Дальше?

Билевич. Можете завтра утром... прислать?

Берегов. Могу. Теперь все? Так я пойду спать. *(Сладко потягивается, зевает).* А то вы меня на самом хорошем сне разбудили. Значит — все?

(Встает).

Билевич. Все. Но вы, все таки, удивительный человек! Поразительный. Другой бы пытался уговаривать, просил бы, хныкал...

Берегов *(беря руками голову Билевича, смотрит ему прямо в глаза).* А, может быть... Вы хотели бы в глубине души, чтобы я... вас... отговорил? А?

Билевич. Боже сохрани вас, Берегов! Что решено, то решено. Поглядите в мои глаза... Видете? Можно отговорить такого человека?

Берегов Нет. Не стоит и пытаться.

Билевич. Спасибо, Берегов. Ах, как с вами легко.

Берегов (*прохаживаясь останавливается перед картиной на стене*). А чудесная у вас эта картина... Куинджи?

Билевич. Да. Я ее очень любил.

Берегов (*снимает картину с гвоздя*). Надо будет захватить домой, когда пойду.

Билевич. Как... Захватить?

Берегов. Да так, возьму. Ведь у вас наследников нет?

Билевич (*с горькой улыбкой*). Нет. Выморочное наследство.

Берегов. Ну, вот я и возьму. Можно?

Билевич. Берите. (*Грустно*). На что она мне, если завтра утром я уже буду куском мертвого мяса.

Берегов. Конечно. Я и письменный прибор возьму. Хотя у меня комнатка не ахти какая, а все таки, прибор пусть себе красуется. Это яшма?

Билевич (*со вздохом*). Яшма.

Берегов. Возьму. (*Прохаживаясь, открывает ящик сигар*). Хорошие сигары... А позвольте их... Я возьму всю коробку, а вам до утра оставлю штук пять.... Хватит? *До утра*, понимаете? Хватит?

Билевич. Гм! С избытком хватит.

Берегов. Очень мило. Кстати уж, и портсигар возьму. Благо монограммы наши сходятся: вы Билевич, — я Берегов.

Билевич. Позвольте! . . Портсигар этот —для меня память.

Берегов. Ну, так что-ж! В гроб-же с собой не положите?

Билевич. Так-то оно так. (*Нерешительно*). Это ведь золотой портсигар. Он дорогой.

Берегов. Ага! Гарно, как говорят хохлы. (*Пауза*). Яд как думаете принять: лежа в постели или так — сидя за столом?

Билевич (*нервно*). Бог знает какие вы вопросы задаете! Будто вам не все равно.

Берегов. Да. . . Действительно — к чему это я спросил. Так-просто, язык повернулся, хе-хе. А вы знаете, как его принимать?

Билевич. Кого?

Берегов. Яд.

Билевич. Нет. А разве есть особый способ?

Берегов. Да! Наименьше мучений. . . Видите ли: надо разбавить на две трети водой и — выпить залпом. (*Весело хлопнув его по плечу*). Сейчас же свалитесь, как подкошенный!

Билевич (*иронически*). Спасибо.

Берегов. Не стоит.

Билевич (*нервно*). Может быть, поговорим о чем нибудь другом?

Берегов. Неужели вам так неприятно? А, по моему, если уж решили, так все равно! . .

(Насвистывая, прохаживается, потом подходит к Билевичу, спокойно запускает ему руку в боковой карман).

Билевич *(испуганно)*. Что вы это?!

Берегов. А? Да деньги. Хочу поглядеть — много ли у вас денег? . .

Билевич. Какой вы странный. . . Для чего вам это?

Берегов. Взять их хочу.

Билевич *(нервно)*. Так, не сейчас же, Господи!!

Берегов *(спокойно)*. Вы нервничаете. Это плохо. Почему не сейчас? Ведь вам до завтра ничего не понадобится? Сколько здесь их? Три тысячи? Смачно, как говорят хохлы. Кольцо дайте тоже. Все равно, завтра сторож анатомического театра свистнет. Лучше уж мне. Все таки, я приятель.

[Снимает с пальца кольцо]

Билевич. Приятель, да! Послушайте, Берегов! Меня немного удивляет ваша, эта. . . ваше хладнокровие. . . И простота, с которой вы. . .

Берегов. Ну, вот! Где уж тут справедливость, люди добрые!? Давеча сам же восхищался, что я человек без предрассудков, а теперь ему трех тысяч жалко! . .

Билевич. Мне не жалко, а только. . . неприятно!

Берегов. Ну, хорошо! Не буду, не буду!. О чем же с вами говорить? Вот на будущей неделе премьера в опере — ведь вам это уже не интересно?!

Билевич. Почему неинтересно?

Берегов. Да, ведь, завтра утром — скапуститесь, как говорят хохлы — чего же вам? . .

Билевич. Вы циник, Берегов!

Берегов. Не был бы циником, не получили бы вы от меня яду. , . А то, ведь, я какой человек: „Дай!" — „На!" Вот я какой человек!

Билевич. Да довольно вам об этом яде!!

Берегов. Спокойно! Не надо нервничать. Пожалуйста, поговорим о другом. . . . Хорошая у вас квартирка. Сколько платите?

Билевич. Триста.

Берегов. По третям?

Билевич. А, да не все ли равно! По полугодиям.

Берегов. Давно платили?

Билевич. Что? В прошлом месяце: я вперед плачу.

Берегов. Билевич! Идея! Ведь я несчастный сирый бобыль, — могу устроиться, как князь! Передайте мне контракт, я поселюсь в этой квартире!

Билевич *(кисло).* Пожалуйста!

Берегов. Вот спасибо! Чудесно заживу!... Гм! . . да! . . (*прохаживается, что-то прикидывая в уме*). Столовую я так и оставлю, а кабинет. . . Этот диван я передвину сюда. Позвольте-ка! (*деликатно стаскивает Билевича с дивана, передвигает диван; Билевич перехо-*

дит на ковер). Этот ковер лучше, если ляжат здесь. . . Вот так (*бесцеремонно переводит Билевича с ковра к тумбе*). Тумбе, по моему, место не там, а здесь, эти подушки сюда. ..

Билевич *(ошеломленный).* Вы. . . и с обстановкой хотите взять мою квартиру? . .

Берегов. Ну, а как же? Ведь не всунуть же ее вам в гроб? *(восторженно).* Это что ж у меня за жизнь будет!!! Вон у вас библиотека такая, что сердце радуется! До тысячи книг будет?

Билевич (*мрачно*). Да, тысячи с полторы наберется! . .

Берегов. Чудесно! Буду валяться на оттоманке, читать Дюма или там Чехова, что-ли. . . Потягивать винцо. . . Да, кстати! У вас винный погреб в порядке? . .

Билевич *(неохотно).* Шампанского мало. А так — красного, мадеры старой, венгерского — бутылок восемьсот наберетея. Думаю на днях еще ликеров прикупать.

Берегов. То есть, думали! Думали раньше. Хе-хе! Это что же будет, а? Билевич, милый! Я вас расцеловать готов за все, что вы для меня делаете! . . Получаю квартиру, библиотеку, чудесный погреб — за что? За бутылочку какой-то мутной вредоносной дряни.

Билевич *(угрюмо).* Хорошо, хорошо. Только теперь. . . вы того. . . Оставьте меня.

Берегов. Конечно, конечно! . . Только последняя к вам просьба: сядьте вот сюда, за

письменный стол, и пишите. Ну, не упирайтесь же, чудак. Пишите! *(Усаживает его, диктует:)* „За проданную инженеру Берегову мою квартирную обстановку и переданный контракт, двадцать тысяч получено наличными". Подпишитесь!!! Так! Поняли? Это чтоб придирок не было.

[С довольным видом потирает руки].

Билевич *(раздраженно)*. Мне противна ваша. . . деловитость в. . . такие минуты.

Берегов. Чудак вы! Вам-то хорошо — выпили флакончик! — и готово; а у меня то вся жизнь впереди! . . Надо ж устраиваться! Это персидский ковер?

Билевич. Персидский.

Берегов. Приятно. Только вы, знаете, что? Я ведь точно не знаю действия своей этой микстуры. . . Вдруг с вами перед смертью рвота случится. . .

Билевич *(глядя на него с ненавистью)*. Ну?!

Берегов. Ковер мне можете испортить. Послушайте, Билевич, голубчик, что я вас попрошу. . . Фи, какое у вас сейчас нехорошее, злое лицо. Неужели, вам не все равно?

Билевич. Что вам от меня надо?!!

Берегов. Травитесь не дома . . . хорошо? Ей Богу же, вам безразлично, а мне меньше хлопот. Подумайте, как будет мило: на одном конце города поднимают мертвого человека Билевича, продавшего свою квартирную обстановку, контракт и всякие земные блага

инженеру Берегову; на другом конце города инженер Берегов входит в чистенькую устроенную квартирку и начинает в ней жить, как король... Живой инженер лежит на теплой оттоманочке, читает Дюма, курит ароматную сигару, мертвого человека поднимают, везут в покойницкую...

Билевич (*с яростью*). К дьяволу покойницкие—слышите?! Я умру дома—черт вас подери!

Берегов (*хладнокровно*). Да, ведь в покойницкую, все равно, стащат... Раз самоубийца —резать должны. Что дескать и как? Що воно такэ, как говорят хохлы. Да разве вам не все равно?! Я буду в вашей квартирке пить ваше вино, спать на вашей мягкой постели, любоваться вашими картинами, — а вы, голый, холодный, с номером на ноге, будете лежать в сырой мертвецкой около зеленого от времени мальчишки с отрезанной головой и ободранного безымянного пьяницы, издохшего от белой горячки... Ведь вам уже будет все равно?... У вас красивое тело, широкая грудь и мусколистые, белые руки, которые вы неизвестно за каким чертом так замечательно развивали гирями, у вас холенные, длинные пальцы—но вам мертвому, синему, это уже будет все равно?! Пройдет неделя и эта тяжело и бурно дышащая грудь будет полна червей!.. Но ведь вам уже будет все равно?! К вам на квартиру по инерции забежит одна из ваших красавиц-дам и, может быть, я ей понравлюсь

и она останется у меня — но ведь, Вам-то! Это будет уже все равно!!

Билевич (*тяжело дыша, в бешенстве*). Вы не смеете этого делать?!

Берегов. Но ведь это каприз!! Вед вам уже будет все равно!!

Билевич (*совершенно потеряв голову, почти в истерике*). Не все равно мне это, чтоб вас черти побрали!! Вы не смеете меня грабить! Вы не смеете считать деньги в моем бумажнике... и... и... и...

Берегов. Однако, раз вы решили отравиться...

Билевич. Не смейте мне этого говорить!! Я решил умереть, я же могу и решить остаться в живых!! Никому я не обязан давать отчета — слышите?! А-а-а!.. Вы уже распределили мою квартиру по своему, переставили мебель, пересчитали мои деньги — так вот же вам! Не надо мне вашего яда! Я буду жить! А вы — уходите отсюда! Слышите? Сию минуту уходите — слышите?! Лиза-а! Лиза!

ЯВЛЕНИЕ 5

(Те же и Лиза).

Билевич. Лиза! Выпроводи этого господина! Чтобы и духу его здесь не было! Квартиру ему отдай, а? Погреб отдай, а? Ужин есть? Подавай! и бутылку шампанского дай! Я есть хочу! Вы, говорит, мне ковер испортите! Видали вы такого фрукта? Пусть теперь сам пьет свою бутылочку! (*уходит налево*).

Лиза. Ну . . . что ж вы стоите? Уходите. Некогда мне с вами. Ужин нужно подавать. Барин ждет.

(Уходит).

ЯВЛЕНИЕ 7

(Берегов один)

Берегов (*вынимает из кармана вещи Билевича, кладет на письменный стол*). Брр . . . Холодно сейчас, поди, на улице. Дождь, слякоть. Ну, что ж . . . Надо идти. (*Идет, потом возвращается к рампе*). Вот замечательно: если доктор спасет человека от смерти — ему отваливают крупный гонорар. А инженеру за тот же самый подвиг — чуть по шее не попало! Вот и спасай людей! . . . (*Потягивая носом в сторону, куда ушел хозяин*). Пахнет чем-то очень вкусным . . . Жареным на масле. А я голоден, как собака. Гм! ну что ж, пойдем. . . (*к публике*) Спокойной ночи! (*Уходит сгорбившись*). . .

Занавес

Знаменитый паноптикум

Скэтч

Директор музея
Карлик
Великан
Глухонемой } Одно лицо.
Помощник
Голос из публики.

Помощник выносит на сцену аппараты и редкости. Расставляет их. Выходит Директор, раскланивается.

Д ректор. Милостиви господин и госпожа! Я имей шесть демонстровать тут на ваше лицо селий ряд редкостни редкость и уник. .

Голос из публики. Говори по русски.

Директор. Сделайте одолжение! Вот, ребята, это, значится, мой музей-паноптикум! Тут собраны все научные редкости, как этнографичные — так и такие. . . другие совсем. Здесь перед вами природа раскроет свои тайны, физические, ботанические, иллюзионные, а также говорящая голова без рук, ног и других приспособлений, за что

владелец ея был высылаем изумленной администрацией из многих городов черноземной полосы России. Всякий может убедиться и доторкнутся с рукой, но без поломки, в виду того, что это вывезено из разных редких стран, как тропических, так и других . . не тропических. Природа имеет много тайн, но пытливый ум подымает эту занавеску и подглядает под ее. Я за свои научные поступки имею много орденов от разных коронованных особ, как-то: абиссинского Меленика, португальского царя и прочих, но я не надеваю, потому и грудей не хватит, так много. Однако, не будем вдаваться! Сейчас имею честь демонстровать наибольшую редкость: окно в Европу, прорубленное знаменитым дедушкой русского флота Петром Великим! *(берет окно, обклеенное бумагой)*. Извольте видеть! Окно до прорубания. . . . *(прощыкает бумагу кулаком)*. Оно же — после прорубания. Теперь вернемся к самой грубой древности, когда народу ничерта не было, окромя Адама и Евы, да и те гольем в раю жили. Тут есть несколько редкостей, найденных в раскопках, как-то: ребро Адама, из которого была сделана Ева (*показывает обыкновенную обглоданную кость от окорока*). Кость, как вы видите — не мозговая; Потом яблоко от дерева познания добра и зла *(пока он говорит, помощник медленно жует яблоко)*. Это яблоко наибольшая музейвая редкость, купленная мною у одного пустынника за 500 фунтов стерлингов (*смотрит на помощника*).

Опять! Лопаешь! 40 копеек фунт, а ты, как свинья. . . (*вырывает*). Извольте видеть—подлинное яблоко, без всякого жульничества — единственная польза науки! (*откусываешь сам, кладет на стол*). Окромя того, из этого переода есть у меня в музее тот самый змей, который соблазнил Еву на с'едение этого фрукта — вот извольте убедиться — это единственный змей (*помощник передает ему детский змей, сделанный из бумаги и палочек*). — И ежели вам в другом музее покажут второй экземпляр — прошу составить протокол за нарушение спокойствия! Перевернемся в другую эпоху и полюбуемся с научной целью на тот гвоздь, которым его сиятельство князь Олег прибил щит на вратах Царьграда (*ищет на столе*) Где гвоздь?

Помощник. Актеры в стенку вбили. Пальт вешать не на чем.

Директор. (*шопотом*) Какого черта! Они уже седьмой гвоздь тащут. (*Вынимает из-за лацкана булавку, громко*). Вот, господа, тот маленкий гвоздичек, которым Олег прикалывал щит до ворот! Драгоценная, научная редкость! (*машинально бросает на пол*). Поворачиваясь спиной к этой эпохе, мы натыкаемся на другую эпоху, именно, когда Вильгельм Телль стрелял в голову своего сына. Швейцарами назывался народ, живущий в Швейцарии и делавший швейцарский сыр, в отличие от голландского народа, живущего в Голландии и делающего голландский сыр, что не помешало Вильгельму Теллю поло-

жить на голову сынишки яблоко и выстрельнуть. Вот та самая пуля, которой он из ружья бабахнул. . .

Голос из публики. Позвольте! У Телля не ружье было, а лук. . .

Директор (*развязно*). Простите, такая масса редкостей, что запутаешься. Действительно, он из лука стрелял. Мальчик! Лук! (*помощник подает луковицу*). Извольте видеть — подлинный лук! Однако, перенесемся в другой переод. Вот то перо, которым Лестор Нетописец писал свои нетописи (*показывает стальное перо*).

Голос из публики. Неправда! Тогда стальными перьями не писали. Гусиные были.

Директор. (*раздраженно*). Вас не спросили действительно! (*к помощнику шопотом*). А ты не мог пойти на кухню и у повара попросить! Дармоед свинячий! (*громко*) Теперь, господа, обратимте наше такое внимание на чудеса природы, той природы, которую, как говорится гони в дверь — она, дрянь такая, влезает в окно! Наибольший мировой уник-это наш музейный карлик Чарли Вуд, по справедливости считающийся восьмым чудом света (*помощник снимает усы и надевает жокейскую шапочку*). Вот господа, Чарли Вуд! Самый большой карлик в свете!! (*выводит вперед за руку*). Чудо природы (*заученным шоном*). Как вас зовут?

Помощник (*мрачно*). Петр Васильевич!

Директор. Это его так по русски. В переводе — Чарли Вуд. Сколько вам лет?

Помощник. 25.

Директор. Родители ваши нормальны?

Помощник. Нормальные (*мрачно*). По крайней мере глупых вопросов не задают.

Директор. Скажите стишки публике.

Помощник (*деревянным голосом*).

Онегин, я скрывать не стану,
Безумно я люблю Татьяну,
Онегин, я была моложе
Лучшее, кажется, была.

Директор. Благодарю вас. Можете предложить публике свои карточки.

Помощник. (*берет ресторанное меню, идет в публику*)

Директор. Да не те (*шопотом*). Дубина! (*громко*). Вернитесь! (*тот возвращается*). Сейчас я покажу другое чудо природы. Великан Джон Веверлей! Природа дает нам много загадок и привидение никогда не оставляет человека, почему научные силы и действуют разно на оргаанизм, заставляя его меняться в свою пользу. (*Помощник одевает другую шапочку и снимает пиджак*). Вот, господа, честь имею показать Джона Веверлей — самого маленького великана в мире... Этот единственный экземпляр родился в штате Небраски и происходит от небогатых родителей. Как вас зовут, великан?

Помощник. Петр Весильевич.

Директор. Это в переводе на русский. По американски — Джон Веверлей. Сколько вам лет?

Помощник. 25.

Директор. Чем занимаетесь?

Помощник. Великанствую.

Директор. Чем питаетесь?

Помощник. Рыбой, мясом, хлебом. Что дадут — все ем!

Директор. Когда сделались великаном?

Помощник. Недавно.

Директор. Скажите публике стихи.

Помощник. Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний первый гром
Летит кибитка удалая
Бразды пушистые взрывая...

Директор. Поклонитесь публике. Поблагодарите за внимание. А теперь от этого чуда природы перейдем к другое, так называемая — говорящая голова. Куплена в Сицилии, почему может ответить на любой вопрос, на любом языке. (*показывает картонажную голову на тумбе*). Вы видите — нет ни рук ни ног, а говорит так, как не всякий, с руками и с ногами скажет. Желающие из публики могут задавать вопросы, но голова отвечает только на умные вопросы. Будьте любезны задать ей вопрос, не стесняйтесь!

Голос из публики. Слушай, голова! Если ты ешь, так куда это все девается? (*Пауза*).

Директор. Господа, я же предупреждал вас—голова отвечает только на умные вопросы! Ну кто еще хочет спросить? Господа пожалуйста! (*пауза*) Никто? Помощник, та-

щите голову (*помощник подходит и меланхолично тянет директора за голову*). Да не мою! Вот убоище-то! Не мою, а эту! Говорящую! Теперь позвольте вам демонстрировать самый любопытный мировой феномен из высшего аристократического общества! До сих пор мы видели глухих, немых и слепых из плебейского мира, а теперь мы приобрели этот уник из самого высшего света. Граф, пожалуйте! (*Помощник надевает цилиндр и монокль*). Позвольте, господа, мне задать несколько вопросов, чтобы вы убедились, что действительно глухой, слепой и немой. Здравствуйте, граф!

Помощник (*протягивая руку*). Мое почтение. . . Как здоровьице?

Директор. Вы глухой?

Помощник. Очень. Ничего не слышу.

Директор. Вы немой?

Помощник. Ясное дело — немой. Что вы, не слышите, что-ли?

Директор (*гордо*). Почтеннейшая публика может убедиться. Вы теперь и слепой?

Помощник. Слепой ! ! !

(Увидев знакомого в публике, раскланивается)

Директор. Где вы родились?

Помощник. В воспитательном.

Директор. Чем питаетесь?

Помощник. Каклетами.

Директор. Прочтите публике стишки.

Помощник. Как же я буду читать, когда я немой? Думайте, что говорите.

Директор. А... Гм... да... Поблагодарите публику за внимание. Теперь, господа, заключительный номер нашей программы: грандиозная живая картина: пир в богатом греческом Константинопольском доме на 40 персон (*помощник показывает большой поднос, на котором масса вилок, 1 рюмка дузико и одна маслина*). Музыка... вальс! Дирекция покорнейше благодарит культурную публику за внимание и завтра же проездом через этот город, даст новое грандиозное представление. Мишка, убирай редкости!

Занавес

Ключ.

Комедия в 1 действии.

Действующие лица.

Муж
Жена
Молодой человек

Бодуар. Ночь. Налево туалетный столик. Кушетка Направо круглый стол, 2-3 стула. Жена лежит на кушетке, читает. Он (муж) работает в соседней комнате.

Она (*встает, подходит к двери*). Что ты делаешь?

Он (*из другой комнаты*). Пишу-у.

Она. О чем?

Он. О газогенераторах.

Она Фи, какая гадость. Это что? Покойники, что-ли?

Он. Что ты, милая! Это машины такие!

Она. Фи какая тоска. На них катаются?

Он. Зачем же на них кататься? Придет же такое в голову!

Она. Слушай, а ты знаешь,—уже поздно...

Пора спать. Что ты об этом думаешь?

Он. Ложись!

Она. А ты?

Он. А я еще допишу главу, пороюсь в словаре.

Она. Ты знаешь, я уже переоделась на ночь и надела новый пеньюар.

Он. Ну?

Она. Хочешь взглянуть?

Он. После, после . . .

Она. Ну выйди, что тебе стоит. Ну — пожалуйста . . . мне скучно!

Он. Подожди, милая . . . Вот кончу . . .

Она (*хлопает с досадой ладонью по столу. Потом — лукаво*): А мне вчера офицер на автомобиле, когда я гуляла, воздушные поцелуи посылал . . . Слышишь?

Он. Да, да! Красивый?

Она. Кто?

Он. Автомобиль.

Она. Какое мне дело до автомобиля! А зато офицер был прехорошенький. И . . . знаешь что? Я ему улыбнулась и махнула перчаткой.

Он. Удивительно, как это ты не забыла перчаток дома. Ты их всегда забываешь.

Она (*стучит кулаком по столу*). Дерево! Дерево! Чугунная голова! Ты совсем меня не любишь. Другой бы за это — сцену устроил, накричал, поколотил бы. . .

Он. После, после! Вот допишу главу, выйду и поколочу.

Она. Тогда уж не надо. Тогда поздно. (*Пауза. Видит на столе колокольчик, шаловливо звонит*). Ты слышишь?

Он. Что еще такое?!!

Она. В передней звонят. Выйди, милый, сюда — открой дверь.

Он. Пусть прислуга откроет.

Она. Она спит... (*звонит*). Кто бы это мог быть?

Он. Вероятно, по ошибке. Ну, какой дурак может звонить в 11 часов ночи?

Она. Дурак? Почему же уж и дурак? А вдруг это кто-нибудь из знакомых? Я сама пойду открою! (*Делает вид что пошла, потом возвращается*). Вот приятный сюрприз! Георгий Николаевич! Вы у нас 1000 лет не были. Что это вам вздумалось, на ночь глядя, нас навестить? Впрочем, я вам так рада! Здесь (*в сторону мужа*) такая тоска... Вы извините, что я в пеньюаре с голыми руками Не смотрите на меня. (*басом*) А муж дома? (*своим голосом*) Муж? Тс... Говорите тише. Он занимается в той комнате. Заперся. Не будем ему мешать. Садитесь, пожалуйста (*двигает стулом*). Расскажите, где бывали, как поживаете? (*басом*). О, ничего, благодарю вас!! (*св. голосом*) А я все тут сижу одна, скучаю. (*басом*) Вы скучаете? Такая интересная и очаровательная женщина скучает? (*св. голосом*) Тсс, тише, вы мешаете мужу работать. Ну,

что, вспоминали ли это время обо мне? Я вас так давно не видела. (*бас.*) Все время я только думал о вас... Помните наши прогулки в парке, помните ту скамейку... (*св. голосом*) Тсс... тише! Не надо вспоминать об этом... Что было — то прошло. (*бас*). Да почему же прошло? Нет, не прошло. (*св. голосом*) Не надо, не надо! Бываете в театрах? (*бас.*) Вы попрежнему прекрасны! Какие у вас красивые руки! (*св. голос.*) Ах, пожалуйста, не смотрите... В этих пеньюарах рукава такие короткие. Бываете в театрах? (*бас.*) Я всегда думал о ваших руках. Дайте мне левую (*св голосом*). Зачем? Не надо! Бываете въ театрах? (*бас.*) Я ее поцелую. Помните, как тогда! (*св. голос.*) Как вам не стыдно... Муж за дверью работает, а вы мне такие вещи говорите... Где были в этом сезоне в театрах? Не трогайте мою руку!... Ну? Не трогайте! Сидите смирно! Ну, нате вам мою руку, целуйте и успокойтесь (*целует свою руку, прислушивается, целует еще раз*). Тсс... я вам разрешила один раз, а вы чуть не сто поцеловали. С ума сошли! (*бас.*) Я хочу курить. Есть спички? (*св. голос.*) Сейчас, сейчас! Вот, курите. (*Чиркает ногтем по стулу*). Ой, погасла! (*опять чиркает*). Нате! (*Притвор. кашл.*) У какой дым! Задохнуться можно! Как вы, мужчины, можете курить?... Не трогайте мою руку! За это по рукам получите! (*бьет себя по руке*). Ой! Ага! Схватили? Сидите смирно! Ну, расскажите, как вы проводите время? Бываете в театрах? Ай, у меня туфелька с ноги соскочила... Наденьте! Будьте моим рыцарем. (*со*

стуком становится на колени). Не трогайте ногу!! Можно и так надеть. Ай, слушайте, разве туфелька так надевается?! Оставьте, опять по рукам получите! Сядьте! (*тяжело дышит*), Оставьте! (*садится*). Ну вот и сидите! (*что то бормочет*). Что? Ну, руку можно поцеловать. Только один раз. Ах, Боже мой, вот надоели! (*целует руку несколько раз*). Что? Поцелуй в шею? Вы с ума сошли! Оставьте, не надо! Не трогайте меня! Я закричу! Расскажите лучше, где бываете? Да, оставьте же меня!! Не надо! Не надо! Он там в соседней комнате, он услышать может. Я порядочная женщина... Ни за что! Ни за что! (*страстно*). Я сама себя после презирать буду!! (*кричит*). Да оставьте же! (*имитирует борьбу, роняет стул — слабым голосом*) Безумец! Вы мне весь пеньюар порвали! Смотрите, что с рукавом сделали? (*бас.*) Еще один поцелуй и я уйду. (*св. голос.*) Не сейчас... после... Вы сейчас не бритый и всю щеку исцарапали (*капризно*). У вас такая колючая борода. (*прислушивается, досадливо машет рукой. Басом*) Мы должны увидеться завтра... Слышишь? Я не могу жить без тебя (*св. голос.*). Хорошо! Хорошо! (*нежно*). Милый, бесценный мой! (*целует руку*). А теперь, уходи, уходи! Он может каждую минуту выйти... Завтра в половине седьмого... У тебя. Ах, портсигар забыл, возьми портсигар!! (*бегает по сцене, имитирует шаги мужчины, прислушивается, садится; начинает плакать—все сильней и сильней. Выходит муж*).

Он. Милая, что ты? Что с тобой? (*она пла-*

чет). Впрочем, я знаю, почему ты плачешь... Тебе его жалко. . .

Она *(сквозь слезы).* Кого?

Он. Твоего любовника. Положение его действительно затруднительное.

Она. Почему?

Он. Еще бы! Ему, взрослому человеку, пришлось лезть, как червяку, в замочную скважину. . .

Она *(изумленно).* Что ты говоришь?

Он. Да очень просто! Иначе он войти не мог. Потому, что входная дверь заперта и ключ от нея у меня в кармане *(показывает ключ).*

Она *(вырывает ключ).* Ага, значит напрасно старалась?!. . Так вот, почему ты был так спокоен? Ключ!

Он *(самодовольно).* А ты же что думала? Я, брат, хитрый! Я, брат, умный! *(уходит).*

Она. Как это вам понравится. Ключ был у него !*(звонок).* Гм. . . звонок! Кто бы это мог быть? *(задумывается на секунду).* Пойду открою! *(берет ключ, уходит. Входит с молод. человеком).* Боже, вот не ожидала! Владимир Николаевич! Что это вы пришли так поздно? Ну, садитесь!

Мол. чел. Разве так поздно? А на моих 10.

Она. Ну, что Вы? А на наших уже двенадцатый!

Мол. чел. *(изумлению)* Разве? Какое сов-

падение! (*с волнением*) А знаете, зачем я к вам пришел?

Она. А зачем? Не знаю. . .

Мол. чел. Затем. . . что вы мне ночью снились!

Она. Тише! Что вы, с ума сошли? В соседней комнате муж!

Мол. чел. (*глядя ей в глаза, значительно*). Вы знаете, к а к вы мне снились?

Она. Ну, перестаньте об этом. . . Довольно. . . Бываете в театрах? (*с любопытством*). А. . . как я вам снилась?

Мол. чел. Вы знаете, как вы мне снились?

Она. Бываете в театр. . .

Мол. чел. (*обнимая ее*). Вот так! . . (*целует*) Вот так! Вот так! И еще вот так!

Она. Но это наглость! Вы себе слишком много позволяете. Муж услышит, он здесь.

Мол. чел. (*в экстазе*). Хоть 700 мужей ! ! (*страстно*). Ты должна быть моей!

Она. Вы с ума сошли. Это уж слишком...

Мол. чел. Ты должна быть моей! Иначе, я наделаю 145 безумств, 1350 сумашествий! Обещай! Обещай, что ты будешь моей! Завтра в 7 час. будь у меня (*поцелуй*).

Она (*оглядываясь на дверь*). Хорошо, хорошо! Только уходите! Бываете в театрах?

Мол. чел. (*целуя*) Бываю. . . Бываю!

Она. Тише же. . . В каких?

Мол. чел. Чего. . . В каких?

Она. В каких театрах?

Мол. чел. А-а! Преимущественно в фарсе! Так до завтра? Да?

Она. Умоляю вас, уходите! Вы меня погубите.

Мол. чел, (*уходя*). Прощай, моя царица!

Она (*растерянно*). Прощай, мой царицын! (*выпроваживая его*). Фу. . . (*входит муж*).

Он. Послушай, милая моя! Я тебе хочу дать один совет. . . Никогда не нужно переигрывать. . . в первый раз это у тебя хорошо вышло: эта борьба, поцелуи, страстный диалог. На одну минуту даже я поверил было. А второй раз, нехорошо сыграла— неестественно. И потом, почему ты думаешь, что я, не попавшись на удочку в первый раз — попадусь во второй! Тем более, что ключ у меня в кармане. Хе, хе, хе! (*ищет в кармане*). Вот он. . . Вот. . . здесь, что ли? Нет. . . Здесь, что ли? Где же он? (*на лице испуг*). Ключ! Ведь ты его у меня взяла! (*в отчаянии*). Ключ! Ключ! (*к публике*). Господа, здесь никого не было? (*самодовольно*). Ну, тото. Я хитрый, я ловкий. . . Ох и ловкий же я — до невероятности! . .

[жена уткнувшись в подушку, истерически хохочет].

Занавес.

Черная и белая кость

Комедия в 1 действии

Действующие лица:

Муж, Жена } Ландышевы
Генерал Челищев
Шьейцар Чебурахов

ЯВЛЕНИЕ 1.

При поднятии занавеса Ландышев и Лидочка сидят за пасхальным столом. Она чистит яблоко, он читает газету.

Лидочка (*бросает нож, подносит палец к губам*) - Ой!

Ландышев. Что такое?

Лидочка. Проклятое яблоко—вот палец себе обрезала!

Ландышев. Яблоком обрезала?

Лидочка. Нет, ножиком.

Ландышев. Так чего ж ты яблоко ругаешь?

Лидочка. Ну, ножик проклятый.

Ландышев. Тупой, что-ли?

Лидочка. Нет, очень острый.

Ландышев. Но ведь ты же сама давеча просила точильщика поточить поострее! Чем же нож виноват?

Лидочка (*капризно*). Ну, точильщик проклятый.

Ландышев. Однако, ты ведь его сама просила.

Лидочка. Так я тебе скажу, кто проклятый — газета твоя проклятая!

Ландышев. Здравствуйте! ну знаешь ли...

Лидочка. Да, конечно. Если бы ты ее не читал—взял бы сам нож, да и почистил яблоко!

Ландышев (*ласково подходит, целуя ее в голову*). Ну, куда ты годишься? Ты разве человек? Ты пол-человека. Ты ни-его в жизни не понимаешь...

Лидочка. Уж молчал бы лучше! А ты, понимаешь?

Ландышев. Гм! Положим, и я ничего почти не понимаю... жизнь такая запутанная... в древности - то хорошо было: хочется тебе есть—подстерег медведя или мамонта, треснул камнем по черепу—и сыт! Обидел тебя сосед - подстерег соседа, треснул камнем по черепу—и востановлен в юредических правах; захотел жениться — схватил невесту за волосы, треснул кулаком по черепу — и в лес! Ни свидетельства на право охоты, ни брачного свидетельства, ни залога в обеспечение иска соседу—ничего не требовалось!

А теперь, все так сложно, так не понятно. Захотел жениться—хлопочи! Пред'являй какие то документы, метрические, где то расписывайся, что-то кому-то плати, кого-то целуй, кого-то поздравляй, кто-то тебя целует, кто то тебя поздравляет — и что к чему — совершенно ничего не понятно: главное дело что я путаю, кому когда заявлять? Есть церковь, полиция и медицина. От нашего рождения до самой смерти над нашей жизнью и смертью царит священник, доктор и околодочный. Но кого в каких случаях и в каких комбинациях призвать на помощь — сам черт ногу сломит! Вон у нас, наверное будет ребенок... Что мы с ним будем делать?! Конечно, нужно пригласить доктора... Ну, а священика?.. Приглашать?... А в полицию заявить надо? Кто-то должен дать какое-то свидетельство или удостоверение. А кто?—Господь его ведает!

Лидочка. Неужели, если у нас будет ребенок—ты в полицию заявишь? Какая подлость.

Ландышев. Милочка, а как же? Ведь это —безпорядок в доме.

Лидочка. А может быть... нотариусу заявишь?

Ландышев. Спрячься ты со своим нотариусом! Я тебя на-днях послал к старшему нотариусу, а ты кого привела? Какого-то лысого писца?!

Лидочка. А я думала, что как лысый, зна-

чит он и старший...

Ландышев. А кто сырые яйца покрасил, а потом варил? А кто окорок обойными гвоздями утыкал? А кто мазурку испек на нотном листе?!

Лидочка. А ты зачем, когда квартирный контракт подписывали—полицию пригласил? Над кем тогда смеялись?

Ландышев. А ты... а ты...

ЯВЛЕНИЕ 2.

В дверях показывается швейцар Чебурахов. При виде его супруги вскакивают и, прижавшись друг к другу, растеряно поглядывают на швейцара.

Чебурахов. Здравию желаю! Имею честь поздравить с праздником приснославленного Светлого Христова Воскресения и пожелаю вам встретить и провести оного в хорошом расположении и приятном сознании душевных дней торжества его!...

Ландышев (*стараясь быть солидным*). Да, да! Спасибо, голубчик. И тебе того-же!.. Воистину, как говорится! Сейчас, сейчас! Вы тут...тово. Я только вот тут... распоряжусь!

(Направляясь к другим дверям)

Лидочка (*бежит за ним*). Постой! (*шопотом*) Ты чего-же меня одну бросаешь? Что я с ним буду делать?

Ландышев (*шопотом*). А что я буду делать?

Лидочка. Как что? Я не знаю. Что в таких случаях полагается? Ну, похристосо-

ваться с ним, что ли, по русскому обычаю..

Ландышев. С швейцаром-то ?

Лидочка. А я уж не знаю. . . Я в „Ниве" видела картину, как древние русские цари с нищими по выходе из церкви христосовались. А тут все таки не нищий. . .

Ландышев. Да постой! Значит, я должен с ним поздороваться за руку? . .

Лидочка. Почему-же? Просто поцелуйся.

Ландышев. Постой. . . Присядем тут, на диванчик *(садятся)*. Разберемся. Но ведь это моя милая — абсурд! Целовать можно, а руки подать нельзя!

Лидочка. Кто-же швейцарам руку подает? А поцеловаться можно — это обычай. Древние цари, я в „Ниве" видела. . .

Ландышев. Постой. . . А что, если я просто дам ему на чай? . .

Лидочка. Мм. . . Не обидится-ли он? Человек пришел с поздравлением, а ты ему вдруг деньги суешь. Он, может быть, от полноты сердца, а ты. . . У этих рабочих людей удивительно больное самолюбие.

Ландышев Это верно. Но просто похристосоваться и сейчас-же его выпроводить— это как-то неловко. . . Сухо выйдет . . Может быть предложить ему закусить?

Лидочка. Пожалуй. . . Только, как поудобнее это сделать? К столу его подвести и угостить, или просто дать покушать в стоячем положении?. .

Ландышев (*вставая*). Э, чорт с ним, с этими штуками. Смешно право: мы тут торгуемся, а он стоит в самом неловком положении! Я, милая моя, люблю, чтобы — как в старину! В такой праздничек все равны. Пойдем! (*подходит к швейцару и, постояв перед ним, вдруг с радостным криком раскрывает ему объятия*). А-а-а! Дорогой гость! Христос Воскресе! Ну-ка, по христианскому обычаю. . . (*целуются*).

Чебурахов. Пожелаю вам всяких подробных удовольствий естества вашей возможности благоустройства.

Ландышев. Спасибо, спасибо, голубчик! Не выпьете-ли рюмочку водки? Пожалуйста, к столу закусить! Лидочка, вот.. . познакомтесь . . это — наш швейц. . . Наш. . . заведующий под'ездом! Садитесь! (*Усаживаются*). Позвольте, я вам стаканчик (*наливает, чокается, швейцар ищет куда бы положить свою фуражку, не найдя подходящего места, надевает на голову*).

Лидочка. Позвольте, я положу вашу фуражку. . . (*берет у него фуражку, кладет на стул*).

Чебурахов. Ну-с, с начатием праздничного удовольствия всяких человеческих удобств — ваше здоровье! (*Муж наливает*). Закусите, пожалуйста (*пьют; долгая пауза*).

Лидочка. (*на ухо мужу*). Поговори-же с ним о чем нибудь ... что ты молчишь? Неудобно.

Ландышев. Можете представить — я служу в цементном обществе! И у нас в год идет миллион боченков цемента.

Чебурахов (*глубокомысленно*). Н-да... Цемент, он действительно. Это что и говорить. А то еще кирпич есть. Тоже здорово!

Лидочка (*толкает мужа в бок*).

Ландышев. Жизнь теперь, этого.. вздорожала. Еще рюмочку!

Чебурахов (*пьет*). Да уж... не извозчик пошел, а какой-то эфиоп собачий. Ей-Бо, право!

Ландышев. Почему?

Чебурахов. Да нешто его от подезда отгонишь? Ни, Боже ты мой! А жильцы протестуются. Отчего это, говорят, у тебя подезд весь в извозчиках. Канальи! Верно я говорю?

Ландышев. Скажите, вы довольны, вообще, жильцами?

Чебурахов. Это какой жилец, смотря, попадется... (*берет рукой кусок ветчины, закатывается долгим смехом, размахивая ветчиной в воздухе*) Хи-хи-хи! Вот жилица из третьяго номера, которая будто что массажистка — та дюже хорошая. Ну, брат, и массажистка-же... (*смеется, хлопает Ландышева по коленам*). Ей-Бо, право! Кто не придет до ей — молодойли, старик — меньше полтинника в руку не сунет. Здорово, а?!

Ландышев (*уныло*). Д-да. Бывает.

Чебурахов. А то какой нибудь ошалев-

ший с ее человек и трешку пожертвует. Ей-Богу!..

Лидочка. Бываете в концертах?..

Чебурахов (*презрительно*). Чего? (*пьет*). А с четырнадцатого номера музыкантша — прямо будем говорить — гниль. Ни шерсти, ни молока. Шляются ученики, — сами такие, что гривенник рады с кого получить! Старая, шельма! Никуда. Понимаете, молодой человек... (*толкает Лидочкина в бок*). Ни... Никуда! Го-го-го!..

Лидочка. А вы знаете, мы на прошлой неделе с мужем были в оперетке.

Чебурахов. Бывает. У нас в запрошлом годе тоже одна тут жила из оперетки, в третьем номере. Так что-ж вы думаете — один ейный хахаль драл ее, как сидорову козу. Сначала друг друга по шеям охаживают, охаживают, а потом, выйдет и мне десятку в руку: помалкивай, мол. Эфиопы! Верно я говорю?

Лидочка. Но, однако, есть же жильцы, которые живут и культурной жизнью?..

Чебурахов. Чего-с?

Лидочка. Я говорю: живут культурной жизнью.

Чебурахов. Это есть. Вот, к примеру, в девятом номере дамочка с мужем живет — так прямо памятник ей поставить! Как муж за дверь — так, гляди, каваргард на резинках подлетает. И уж он тебе меньше целкового никогда не сунет. Нет-с! Это уж изви-

ните-с! (*хлопает Ландышева по коленке*). Понял?

Ландышев. У вас, знаете ли, слишком односторонний взгляд на жильцов.

Чебурахов (*выпивая рюмку*). Во-во. Что же я и говорю. (*Постепенно пьянея*). Жилец жильцу розны! К одному явишься с праздником — он тебе пятишку в лапу — на, душа, разговляйся! А другой, голодранец, на угощении норовит от'ехать. А что мне его угощение? Если я на полтинник водки тяпну, да на целковый закуски — так начхать мне на это! Какой ты после этого жилец ? ! Что? Верно? Я генерала Путляхина уважаю, потому это настоящий барин: „Кто там пришел на кухню?" — Говорят: „с лестницы поздравляют!" „Дать ему зеленую в зубы и пусть убирается ко всем чертям!" Во! Вот это барин! А так что?

Ландышев. Позвольте! Я вам тоже дам на чай.

Чебурахов (*развалившись, презрительно*). От вас? На чай? Разве от таких берут? Унизил меня, а потом — на чай? Не-ет, брат, шалишь. . . Какая вы мне компания, а? Так — шарлы-барлы и больше ничего! Верно я говорю? Верно! (*Кладет голову на руку*). Налей еще рюмочку! Эх, хватить, что ли во здравие родителей. (*Поет*)

Пущай могила меня накажет,
Я все же милую любил. . .

(пьет из бутылки, поет)

Невеста была в белом платье,

Жених был весь в черных штанах. .

Ландышев (*пошептавшись с женой*). Послушайте, этого . . . швейцар! Вот вам два рубля и можете идти, швейцар.

Чебурахов. Не надо мне Ваших денег! Верно? Меня господа обидели! (*бьет себя в грудь*). За что обидели, а?

Ландышев. Уходите отсюда!

Чебурахов. Что-а? Сам уходи, трясогузка! Ну, и извозчик же нынче пошел! Прямо хоть с городовым его . . .

(опускает голову на руки, дремлет).

Лидочка (*плача*). Ну, что мы с ним будем делать, полюбуйся!

Ландышев. Да черт с ним — проспится и и сам уйдет.

Лидочка. А мы то куда же денемся? Тоже мне мужа Бог послал: со швейцаром связался. Хорошее общество, нечего сказать! . .

Ландышев. Да ты сама же говорила, что в „Ниве" видела, как цари . . ,

Лидочка. То царь, а то ты . . . Тоже! Много о себе воображаешь! Нет, ты мне лучше скажи, что мы теперь с ним будем делать?

Ландышев. А знаешь что? Пойдем к маме. Часика три у нея посидим, а потом справимся по телефону: ушел он, или нет? Постой, я сейчас пальто принесу.

Лидочка. Эх, ты . . . дурачек. Ну дай я тебя поцелую! . .

ните-с! (*хлопает Ландышева по коленке*). Понял?

Ландышев. У вас, знаете ли, слишком односторонний взгляд на жильцов.

Чебурахов (*выпивая рюмку*). Во-во. Что же я и говорю. (*Постепенно пьянея*). Жилец жильцу рознь! К одному явишься с праздником — он тебе пятишку в лапу — на, душа, разговляйся! А другой, голодранец, на угощении норовит от'ехать. А что мне его угощение? Если я на полтинник водки тяпну, да на целковый закуски — так начхать мне на это! Какой ты после этого жилец ? ! Что? Верно? Я генерала Путляхина уважаю, потому это настоящий барин: „Кто там пришел на кухню?" — Говорят: „с лестницы поздравляют!" „Дать ему зеленую в зубы и пусть убирается ко всем чертям!" Во! Вот это барин! А так что?

Ландышев. Позвольте! Я вам тоже дам на чай.

Чебурахов (*развалившись, презрительно*). От вас? На чай? Разве от таких берут? Унизил меня, а потом — на чай? Не-ет, брат, шалишь. . . Какая вы мне компания, а? Так — шарлы-барлы и больше ничего! Верно я говорю? Верно! (*Кладет голову на руку*). Налей еще рюмочку! Эх, хватить, что ли во здравие родителей. *(Поет)*

Пущай могила меня накажет,
Я все же милую любил. . .

(пьет из бутылки, поет)

Несколько слов по поводу „Бочки красного вина" и „Флирта Розенберга"

Будучи русским человеком, я очень люблю еврейский юмор. Он всегда ярок, краток и блестящ.

Здесь я помещаю два еврейских скэтча. Большая часть текста — моя, но кое что есть и от ходячего еврейского анекдота.

Очень прошу читателей то, что им особенно понравится — отнести на мой счет, менее же удачное — отнести на счет еврейского анекдота.

Читателю все равно, а мне будет приятно.

Автор.

Бочка красного вина

Мозаика.

Помещик
Коммисионер

Номер гостиницы. Помещик сидит, читает газету. Стук в дверь.

Помещик. Ну, кто там?

Коммисионер. Что значит, кто? Я!

Помещик. Кто это — я?

Коммисионер. Я! Когда это я — так я говорю я! Если бы был другой, он сказал бы — другой!

Помещик. Что нужно?

Коммисионер. Что мне нужно? Вы спросите, что мне не нужно. Ой, вы знаете — я ужасно боялся к вам идти.

Помещик. А что?

Коммисионер. Да около ворот лежала такая большая собака, что я прямо испугался.

Помещик. Ну вот, глупости! Вы же знаете, что большие собаки не кусаются.

Коммисионер. Видите что... Я то знаю, но я боюсь, что эта собачка этого не знала.

Помещик. Кто вы такой?

Коммисионер. Я? — Глобус!

Помещик. А-а! Глобус! Я слышал о вас. Слушайте — это совершенно неудобно. Вы знаете, весь город говорит о том, что зубной врач Кегельман живет с вашей женой.

Коммисионер. Подумаешь, какое счастье! Захочу — так я тоже буду жить с ней! . .

[садится на стул, на котором шляпа помещика]

Помещик. Слушайте! Вы сели на мою шляпу!

Коммисионер. А вы разве собираетесь уходить? Ну, нате вам вашу шляпу. Я тоже знаете, так на одном балу сел на чужой стул. . . Вдруг чувствую, откуда-то дует!

Помещик. Что же это было?

Коммисионер. Это, я, знаете, на веер сел. Что нового слышно за войну?

Помещик. А вы интересуетесь войной?

Коммисионер. Ну! Сам же я на войне был. Ой, как я сражался! . .

Помещик. За родину сражались?

Коммисионер. Нет, за Рабиновича.

Помещик. То есть, как?

Коммисионер. Подвел, паршивец! Из за него пришлось в солдаты идти. Понимаете, встречаю я его на улице — он спрашивает: „Яша, почему ты такой грустный"? Что значит почему? Когда человеку в солдаты на войну надо идти, так какое тут веселье! А он говорит: „знаешь, тебя могут не забрать"!

А что надо делать? „Очень просто!" он мне говорит, — „пойди ты домой и три дня читай подряд по три раза три главных еврейских молитвы. . . Три раза туда, потом три раза назад". . . Что ты говоришь? Помогает? — „Замечательно!" Так я пошел и три раза, три дня читал молитвы и туда и обратно — куда угодно. Так знаете что? На четвертый день прихожу в приемную комиссию, а там говорят: „Годен!" Встречаю этого идиота Рабиновича. . . „Ну, что?" спрашивает—„Что же ты мне крутил голову с молитвами—забрали!"—„Что ты говоришь? А ты молитвы аккуратно читал?" — „Ну, да! Три раза туда и назад". — „Слушай, а грыжа у тебя была?" — Нет, не было. — „Так чего же ты тогда лез со своими молитвами?" Видали вы такого Рабиновича? Ну, и пошел воевать. Ой, какие ужасы на войне. Одно такое место было, что только артиллерия и кавалерия могла пройти, а пехота — никак!

Помещик. Ну, что вы за вздор говорите. Если артиллерия и кавалерия проходила, то пехота и подавно могла пройти.

Коммисионер. Нет, не могла, я сам в разведке был — так и донес, что пехота пройти не может.

Помещик. Почему?!!

Коммисионер. Собак было много. Страшно кусались.

Помещик. Вы затем и пришли, чтобы рассказывать мне эти истории? . .

Коммисионер. Зачем за этим — я за другим. Слушайте! . . Есть товар! Хотите купить?

Помещик. Какой товар?

Коммисионер. 15 тонн секундных стрелок и 15 тон повидла.

Помещик. Секундных стрелок мне не нужно, а повидло я бы, пожалуй, взял.

Коммисионер. Нет, отдельно не продается.

Помещик. Почему?

Коммисионер. Видите, тут одно маленькое неудобство — стрелки смешались с повидлом. Их еще студова выбирать нужно.

Помещик (*смеется*). Хороший товар! Я вам вот что посоветую. Предложите его моему приятелю Волкодавову. . .

Коммисионер. О-о, нет. Вы знаете, я к нему отношусь с заметным отвращением. Он хотел, понимаете, вчера ударить меня по морде. . .

Помещик. Откуда вы знаете, что он хотел?

Коммисионер. Так он уже ударил.

Помещик. Что же вы говорите, — хотел?

Коммисионер. Ну, если бы он не хотел, так он бы не ударил

Помещик. За что же это он с вами так невежливо обошелся?

Коммисионер. Понимаете, он при мне

рассказывал один случай, так совсем не так, как было. Он говорил, что знал одного человека Соловейчика, который в Бахмуте на свой теноровый голос заработал 800 рублей. Так я ему говорю: ничего подобного. Я знаю этот случай и дело было иначе: во-первых, не Соловейчик, а Воробейчик, не в Бахмуте, а в Рахмиштровке, не на теноровый голос, а на старой железе, не 800 рублей, а 300, и не заработал, а потерял. Ну? . .

Помещик. Очень похоже! Ну, проваливайте, я спать хочу.

Коммисионер. Что значит проваливайте, когда я еще главное не сказал. Знаете, зачем я к вам пришел? (*хлопает помещика по плечу*). Есть вино!

Помещик. Вина мне не надо.

Коммисионер. Я вам говорю, е с т ь в и н о ! ! Так это такое вино, что пальчики оближите. Красное, прямо ужас какое.

Помещик. Говорю же вам, не надо. Я не пью вина.

Коммисионер. Вы не пьете? Так вы будете пить! Что вам трудно, что ли? Это вино имеет такой букет, что прямо можно в петличку вставить. Вино — чистейшей воды!

Помещик. Говорю же вам, отвяжитесь с вашим вином. У меня горло болит — разговаривать трудно.

Коммисионер. А вы думаете мне легко? Горло болить,—так вы примите что нибудь против вашего горла.

Помещик. Не помогает. Я гоголь-моголь принимал.

Коммисионер. И гоголь-моголь не помогает? Что вы говорите?! Так если гоголь-моголь не помогает, попробуйте Пушкин-Мушкин принять — тоже был хороший писатель.

Помещик. Проваливайте с вашими советами.

Коммисионер. Нет, кроме шуток, возьмите бочечку красного вина. Прямо знаете, такое вино, что жена и дети ваши будут пить, как лошади.

Помещик. Русским языком вам говорят — не надо!

(Встает и нервно ходит).

Коммисионер (*ходит за ним*). Слушайте! Если вы не купите и не будете пить этого вина — это будет прямо саботажничество! Я вам не предлагаю 10 бочек, возьмите одну. Так. . .

Помещик (*свирепо*). Пошел вон!

Коммисионер (*обиженно*). Виноват, вы это что, — серьезно или в шутку?

Помещик. Серьезно. Очень серьезно!

Коммисионер. Ну, хорошо, что серьезно, а то я таких шуток не люблю. Слушайте, когда вы купите это красное вино. . .

Помещик. А, чорррт!

[Выталкивает его в дверь. Слышен грохот по лестнице. Возвращается тяжело дыша, садится, читает газету Пауза].

Коммисионер *(входит)*. Слушайте, я вижу теперь, что красное вино, вам действительно не нужно. Так может быть вам белое вино нужно?

Помещик. Ни красного, ни белого вина мне не нужно!!!

Коммисионер. Так что же вам нужно?

Помещик. Что мне нужно?... *(хитро)*. Суперфосфат у вас есть?

Коммиссионер. Что? Что?

Помещик. Су-пер-фос-фат.

Коммисионер. Су-пер-фос-фат?... Нету.

Помещик. Идиот!

Коммисионер. Ой!.. *(пауза)*. А скажите, господин помещик, у вас суперфосфат есть?..

Помещик. Нет! А что?

Коммисионер *(многозначительно)*. Ну-у-у-?

[Помещик яростно бросается на коммисионера, оба исчезают. Грохот на лестнице].

Занавес.

Флирт Розенберга

Анекдот в 1 действии

Скамейка на берегу моря. Неизвестная дама сидит, что-то вышивая. Подходит Розенберг.

Розенберг. Слушай, маска! Я тебя знаю.

Дама. С ума вы сошли? Где у меня маска?

Розенберг. Неужели, без маски? Такая красивая, что я думал — в маске. Нет вы, впрочем, не сердитесь. Это я так, чтоб завязать с вами разговор. Что это вы тут — на море любуетесь?

Дама. Не ваше дело!

Розенберг. Почему не мое? А, может быть, я сам морак?

Дама. Не считаете ли вы себя моряком, потому, что в лужу сели.

Розенберг (*испуганно вскакивая*). Где? (*смотрит под скамейку*). Нет (*садится*). Зачем мне садится в лужу? А по черному морю я больной плавать? Ох, еслибы вы видели, мадам, как я себя держу на море — прямо как лев! Вы знаете, я как-то ехал на пароходе в Феодосию, так была такая буря, что пароход

прямо пополам переламывался. А я стою как Наполеон, и курю себе папироску. Так подбегает знакомый Шмелькин и кричит мне: „Розенберг! Идиот! Что вы стоите такой спокойный и не волнуетесь? Ведь пароход же тонет!" Так я ему говорю: — „А что мне с того волноваться, что он тонет? Что он—мой, что ли"?

Дама. Не размахивайте руками. Вы мне мешаете работать.

Розенберг (*коротко*). Я не размахиваю, я только разговариваю. Ой, слушайте, я тоже один раз видел, как пароход „Двенадцать Апостолов" налетел на скалу! Так знаете, как налетел? Трах—и напополам, шесть апостолов налево, шесть апостолов направо!!

Дама (*показывая вперед, в воду*). Ой, рыба, рыба!

Розенберг. Где вы видите? Какая рыба?

Дама. Кажется, осетрина проплыла.

Розенберг. Что вы говорите? Осетрина? Скажите, и большой кусок? Вообще, эта осетрина вызывает всегда на меня воспоминания. Когда я играл в ресторане в румынском оркестре, так всегда ужинал с осетриной.

Дама. Как, в румынском оркестре? Вы разве румын?

Розенберг. Немножко. Видете, в этом оркестре было только два румына: я и Шепшелевич. Остальные — все евреи. Скажите, мадам, вам нравится опера „Самсон Данилыч?"

Дама. Такой оперы нет. Есть „Самсон и Далила".

Розенберг. То, неверное, другая.

Дама. Как же вы попали в румынский оркестр?

Розенберг. С военной службы. Ой, как мне не везло! Сначала из меня хотели сделать кавалериста, так я сел на лошадь, а она стала так прыгать, что я совершенно на хвост с'ехал. Так я кричу: „Слушайте, давайте мне другую лошадь — бо эта уже кончается!" Ну, меня сняли и перенесли в пехоту. Так там тоже были неприятности. Вы понимаете, однажды был смотр и приехал корнусный генерал, так он говорит нам: „здорово, ребята!?" Ну, раз он так спрашивает, так я выхожу вперед и говорю: „А какое наше там здоровье! Понимаете, генерал, говорю я, третий день в боке у меня что-то колит. . . Слушайте, как вы думаете, если я помажу с иодом — пройдет?" Так потом за это мне были большие неприятности.

Дама *(глядя вперед)*. Ой, рак, рак!

Розенберг. Где вы видите рака?

[испуганно подбирает ноги].

Дама. Вон там что-то красное проползло. (*Пауза*).

Розенберг. Что? Рак? Красный? На море? Ой! Вечные женские иллюзии. Что вы там вышиваете?

Дама. Аппликацию.

Розенберг. Ей Богу..Я думал это болезнь такая бывает.

Дама. Так—то апоплексия. Удар.

Розенберг. Что вы говорите? У меня, знаете, тоже здоровье плохое. Доктора прописали мне Египет, так ни в одной аптеке не достанешь. Мадам, вы были в Палестине.

Дама. Не была.

Розенберг (*удивленно*). Что вы говорите?! Я, положим, тоже не был. У нас же там свое государство. Понимаете: Национальный банк, национальный музей, национальный театр, всюду национальный мрамор — очень красиво! А на рейде стоит наш крейсер с национальным флагом и на корме золотая надпись „Контр-адмирал Циперович!" Правда красивенько?

Дама. Послушайте, вы мне надоели.

Розенберг. Что значит — надоел. А может вы мне нравитесь? Может я буквально влюблен в вас! Слушайте, хотите я приду до вас.

Дама. Приходите. Мой муж спустит вас с лестницы.

Розенберг (*гордо*). Кого? Меня? Розенберга?! С лестницы?! (*другим тоном*). Ну, так лучше, я тогда, действительно, не пойду.

Дама. Ну и прекрасно.

Розенберг. Хотите я вас угощу с кофеем? По-варшавски или по одесски — как хотите?

Дама. Что это такое: кофе по одесски?

Розенберг. Это когда один пьет, а другой платит. Пойдем, а? Что мне стоит на женщину разориться. Восемь лет тому назад одна мне стоила четырнадцать с полтиной, так я даже почти забыл об этом.

Дама. Проваливайте, вы мне смертельно надоели!

Розенберг. Послушайте! Вы меня еще не знаете Если вы скажете: „нет" — я пойду и утоплюсь.

Дама. Топитесь.

Розенберг. То есть как так „топитесь"? Я же могу утонуть!

Дама. А мне какое дело.

Розенберг. Там же холодная вода. Я буду мокрый и вы. . . меня больше окончательно не увидите.

Дама. Я только этого и хочу.

Розенберг. Мадам! Вы же с огнем шутите! Вот я уже иду топиться. Ну те же! Держите меня! Держите меня за руку, а то я прямо брошусь в воду. Ну, держите же меня! Держите!

[сует ей руку].

Дама. Отстаньте вы от меня с вашей рукой! Топитесь сколько влезет.

Розенберг. Ах, так! (*с оскорбленным видом отходит. Пауза. С невыносимой гордостью*). Розенберги — не топлятся. Ву-а-ля!

[Уходит, помахивая тросточкой].

Занавес.

Женщина и вор

Комедия в одном акте.

Действующие лица:
Чихаев — муж
Анна Григорьевна — его жена
Вор
Швейцар
Дворник

Действие происходит в кабинете Чихаева.
Два часа ночи.

ЯВЛЕНИЕ 1

Чихаев — один

Чихаев (*шагая по комнате*). Чорт знает, что такое! Безобразие, ей Богу. Повесить меня мало за это! С кокоткой поступать так — и то свинство! А тут — собственная жена... Воображаю, как она обрушится на меня, когда вернется! Хорошо бы как-нибудь вывернуться. Соврать ей что-нибудь, что ли. А, все-таки, если вдуматься, так — свинство! Воображаю ее, беднягу, бегающей в одиночестве по огромному залу „Альказара" и ищущей меня — своего законнаго мужа!! Подло, в сущности, так подводить! Придется теперь наврать — с три короба... Что бы ей такое рассказать... (*в передней слышно хлопанье двери... Чихаев*

прислушивается) Гм! Дверь хлопнула. Наверно, она. Брр! Вот зальет сала за шкуру... Ну, так и есть — она!

ЯВЛЕНИЕ 2

Влетает Анна Григорьевна, раскрасневшаяся, возбужденная, в одной руке шляпа, другая рука в рукаве тянущегося за ней манто.

Анна Григорьевна. Как?! Ты уже дома?..

Чихаев (*принимается шагать преувеличенно сердито по комнате*). Да-с! Уже дома! Нечего сказать — хороша! Могу поблагодарить! Где изволила прогуливаться до сих пор?! Сговорились ведь быть в „Альказаре". Я сижу там, сижу, сижу в этом анафемском „Альказаре", сижу себе, как дурак, жду ее, жду, жду... А... она...

Анна Григорьевна (*кладет ему руки на плечи, приближает свое лицо к его лицу, пытливо в него вглядывается. Возмущенно:*) Ну, это, знаешь ли... Можно быть нахалом, но не до такой степени... Ты?! Ты?! Ты был в „Альказаре"! Ты мне говоришь это в глаза? Ты это говоришь мне, которая, как дура, ходила между столиками, торчала в вестибюле, как какая нибудь шансонетка...

Чихаев (*к публике*). Не прошло! Жаль... (*сразу обращая все в шутку, весело смеется*): Ну, ладно уж, пошутил, пошутил!.. Действительно, я так заработался за столом, что, когда посмотрел на часы, то... Ты уж прости меня, голубок.

Анна Григорьевна (*саркастически*). Так-с! Значит, ты рассчитывал так: если я почему-нибудь не была в „Альказаре", то твоя ложь сошла бы, как по маслу, а если я тебя ждала там и поймала сейчас на лжи, то ты. . . ну, просто скажешь; пошутил, мол. . .

Чихаев. Ну, да ладно, ладно. . . Конечно, пошутил. Серьезно — заработался. Ты уж не сердись. . .

Анна Григорьевна (*щелкая мужа по носу, добродушно*. . .). Что бы тебе другая жена за это сделала? А ты погляди на меня; весь вечер потеряла — и хоть бы что! . . Да еще, кроме того, верю, что ты был дома.

Чихаев. Аня! Клянусь тебе нашей любовью. . . Тссс! (*прислушивается*). Ты слышишь? Что-то, как будто упало?

Анна Григорьевна. Где?

Чихаев. О Боже мой! В ванной комнате... Я ясно слышал. Деревянный стук. . . Термометр как будто упал.

Анна Григорьевна (*шутливо*). Ну, раз термометр падает, — значит, в ванне стало холоднее. Трусишка ты! . . Ну, пойди — посмотри.

ЯВЛЕНИЕ 3

Чихаев, крадучись, с испуганным лицом выходит из кабинета. Через несколько секунд где-то, за дверьми слышен стук, шум, борьба, какой то рев и тотчас-же появляется Чихаев, таща за шиворот тщедушного, бледного человека, босого и в поношенном платье. Пронзительный крик Анны Григорьевны.

Чихаев. Вот-с! Имею честь рекомендовать.

Анна Григорьевна (*в ужасе*). Кто это?

Чихаев. Кто? Хе-хе. . . Ты их никогда живых не видела?

Анна Григорьевна. Да кто это, Господи?

Чихаев. Вор, пташечка моя, вор.

Анна Григорьевна (*закрывает руками лицо и пронзительно взвизгивает*). Боже! Вор? Чего же ты его не убиваешь?

Чихаев. Уж так тебе сразу и убить человека! Достаточно будет, если посидит шесть месяцев. Ты как попал в квартиру, негодяй, а?

Вор (*неохотно, оглядывая потолок*). Ключем! (*пауза*). Отпустите господин, ведь ничего же не взял, в самом деле! Чего же там, Господи, зря держать человека?. . .

Чихаев. Вот я тебе покажу, как держат человека. Тебя подержут не по моему. . . Аня! Я около него побуду, а ты пойди — позвони в участок. Пусть там пришлют, кого надо.

Анна Григорьевна. Сейчас, сейчас. Боже, какой он . . . ужасный!

(Боком, стараясь держаться подальше, выходит).

ЯВЛЕНИЕ 4

Чихаев. Вор.

Чихаев (*опускаясь в кресло. Сухо*). Подожди. Сейчас тебя возьмут.

Вор. (*после некоторого молчания неожиданно*). Эх вы! Такая красивая у вас жена, а вы ее, чорт знает, на кого меняете . . .

Чихаев (*изумленно*). Ш-ш-шт ? Что ты сказал?

Вор (*спокойно*). Вот вам и что. У этой, у жены вашей и фигура есть, и лицо, а Модзалевская — что? Пичуга какая-то, пиголица... Ни рожи, ни кожи . . . Только что полька...

Чихаев (*озираясь на дверь, в которой скрылась жена*). Ты?! Ты?! Откуда ты знаешь про Модзалевскую?!

Вор. Подумаешь, важность — откуда. Знаю. У нея нынче весь вечер проторчали, а жене говорите: дома сидел, заработался. Хм! Заработался . . . Вы думаете, не слышал? Из ванны слышал, как вы говорили . . . Хм! . . Работа — нечего сказать.

Чихаев. М-молчи, чорт: жена может войти.

Вор (*кричит*). С какой мне радости молчать! . . Вы меня в тюрьму сажаете, а я молчать должен? Нет, братик, не на дурака напал. Придет жена — сейчас же все ей расскажу . .. И что вы каждый день на Фурштадтскую ездите, и что кульки с вином ей таскаете. . . и что...

Чихаев. Молчи, проклятый! Я тебе покажу — Фурштадтскую! Ты . . . значит, следил за мной? . .

Вор (*угрюмо*). Такое наше дело. Иначе какая же работа! . .

Чихаев. Послушай ты, рвань . . . А если я тебя отпущу . . .

Вор. Ну?

Чихаев. Ты будешь помалкивать?

Вор. Что ж . . . Буду.

Чихаев. Тсс . . . Жена!

ЯВЛЕНИЕ 5

Входит Анна Григорьевна.

Анна Григорьевна. Позвонила в участок. Сейчас приедут. Митя! Он . . . Настоящий вор? Какой страшный.

Чихаев. Ну, уж ты скажешь тоже — страшный! Ничего страшного и нет. Представь себе, Анюта . . . Сейчас без тебя тут я с ним разговорился. Гм! . . Понимаешь, их ведь положение тоже не тово . . .

Анна Григорьевна. Что такое?!!

Чихаев. Я говорю: в сущности, надо войти в их положение. Работы нет, волчий паспорт, отовсюду гонят . . . Ведь мог бы быть полезным, всеми уважаемым членом общества.

Вор. Понятно, мог бы!

Чихаев. Видишь ? На лице его написано искреннее раскаяние.

Анна Григорьевна (*обиженно*). Да. . . раскаяние, а сам хотел нас обокрасть.

Чихаев. Эх! Говорить легко! А знаешь ты, что он хотел украсть ? Хотел, говорит, пошарить в буфете чего-нибудь с'естного. . . Верно, Сергей?

Вор. Понятно.

Чихаев (*горячо и растроганно*). Ужас, ужас... 12 дней человек не ел. . . Ты подумай... Да

доведись это на меня. . . В голове от голода туман, в ушах шум, ничего не соображаешь. . . К горлу что то подкатывается, к груди подкатывается. В сознание заползает мысль о смерти. . . За что же, думает он, я так страдаю? Почему люди так жестоки?. . .

Вор равнодушно утирает кулаком глаз.

Чихаев. Смотри! Уже плачет (*с пафосом*). Разве негодяй, разве злодей будет плакать?

Анна Григорьевна. Послушай. . . А у него нет ножа?

Вор (*не дослышав*). Что вы, сударыня! Маковой росинки во рту не было! . .

Чихаев (*лирически*). А дома у него хворая мать старушка, которая не надышится на своего первенца. . .

Анна Григорьевна (*смущенно*). А как же я. . . полицию уже позвала?

Чихаев (*суетливо*). А я сейчас позвоню туда в участок, что вышло недоразумение, что — чья-то глупая шутка. . . Одним словом, придумаю. . . [Чихаев направляется к дверям; жена делает инстинктивное движение испуга].

Анна Григорьевна. А как же. . . я. . .

Чихаев. А ты тут посиди с ним. . ! Да не бойся! Сергей! Надеюсь, ты себе ничего тут не позволишь?.. Ты понимаешь?

Вор (*ободрившись*). Будьте покойны, — могила.

Анна Григорьевна. Что это. . . могила?

Чихаев. У них такой термин есть. . . арго ихнее. Ну, я иду звонить. . .

ЯВЛЕНИЕ 6

Анна Григорьевна, Вор.

Анна Григорьевна, кутаясь в платок, робко усаживается на подоконник. Пауза.

Вор (*одобрительно усмехнувшись, шопотом*). Я думал — вы сдрейфите нынче, сдадите, а вы молодцом! Ловко все обставили. Люблю таких баб!

Анна Григорьевна. Что-о? Об. . . ставила. . . (*изумленно*). Что вы такое говорите?

Вор (*спокойно*). На ура, я говорю, пошли. И как вы это сразу догадались, что он в „Альказаре" не был? На риск, как говорится, пойдено . . .

Анна Григорьевна. Что? На какой риск? Я вас не понимаю.

Вор (*подмигивая*): Да ведь вы тоже в „Альказаре" сегодня не были!!

Анна Григорьевна (*смущенно*). Как так — не была?! А где же я, по-вашему, была?

Вор. У Трепакина вы были, у господина, у Петра Николаича. В их квартире на Загородном, угол Бородинского . . .

Анна Григорьевна. Лжете вы! Я даже не знаю, о ком вы это гово . . . рите . . . Какой то Загородный. Какой-то угол Бородинского . . . Первый раз слыш..

Вор (*вскочив с места*). Эх, милая бариня! Да второй-то месяц вы к кому же ездите? Под видом, будто в кинематограф? Что же тут отказываться. Не хорошо. И я видел, и товарищ мой Петька-Режиссер видел.... Такое уж наше дело, извините.

Анна Григорьевна (*спрыгнув с подоконника, подбегает к вору, схватывает его за руку*). Надеюсь... мужу-то вы этого не наболтали? Смотрите-ка: я ведь согласилась, что бы вас отпустить

Вор (*холодно*) Вот что, барыня... наша работа не хуже другой. Больше месяца мы с Сенькой на вашу квартиру потратили, а вы... чорт вас наддал вернуться раньше! Всю работу нашу провалили... Значит, так месяц и пропал? Хоть убытки покройте. Не до жиру, быть бы живу.

Анна Григорьевна (*ходит нервно по комнате*). Двадцать пять довольно?

Вор. Гм! Ну, что уж с вами делать. И колечко это. Ничего! Мужу скажете: похудели, с пальца соскочило. Тсс! идет, кажется.

Анна Григорьевна вынимает из редикюля деньги, снимает кольцо, отдает их быстро вору.

ЯВЛЕНИЕ 7

Входит Чихаев

Вор (*деловым тоном*). Ну, что? Успели?

Чихаев. Успел. Позвонил. Сказал, что приятель захотел подурачиться. Извинился, и все

тут. Ну, а теперь иди, Сергей. Иди! Постарайся начать хорошую жизнь.

Вор (*опускается в кресло. Вдруг — заложив ногу за ногу, и поглядывая на супругов*). А мне есть хочется.

Чихаев Что? Это что еще за новости?

Вор. Ей Богу, хочется. Ходишь тут голодный, а тут бывает, что какой нибудь господин ездит на Фурштадскую и уж у него и кульки, и уж у него корзины с провизией, и...

Чихаев (*сразу начинает суетиться*). Да, да. хорошо, голубчик! Постой, постой! Мы сейчас тебя накормим! Анюта! Посмотри, там кажется что-то есть в буфете.

Анна Григорьевна. Сию минуту. Будьте добры подождать.

Делает за спиной мужа знак вору. Выходит из комнаты.

ЯВЛЕНИЕ 8

Чихаев. Вор.

Чихаев (*злобно*). Чорт тебя танет за язык, насчет кульков . . .

Вор. К слову пришлось. — Я бы и выпил чего-нибудь. Коньяку нет-ли?

Чихаев. Еще чего захотел! Откуда я тебе коньяк возьму?! Свинья ты, ей Богу. Я думал, что ты порядочный человек, а ты . . . свинья! Разве с вами можно, как с людьми поступать. Дрянь вы, а не люди!

Вор. Коньяку хочу!!

Чихаев. Уходи ты лучше!

Вор. Закушу и уйду. Эх, коньячка-бы.

ЯВЛЕНИЕ 9

Входит Анна Григорьевна с подносом в руках. На подносе закуски.

Вор. Мадам! Нет-ли коньяку?

Анна Григорьевна. Что ты, голубчик, какой теперь коньяк. Где-ж его достать? . .

Вор (*значительно*). Это уж, конечно, как придется. Только можно ха-ароший коньяк достать на Загородном, угол Бородинского, в том самом месте . . .

Анна Григорьевна. (*торопливо*). Вы чего, говорите, вам хочется?

Вор. А? Коньяку.

Анна Григорьевна. Коньяк-то есть. А я думала — что. Я сейчас, подождите.

[Уходит]

ЯВЛЕНИЕ 10

Чихаев. Вор.

Чихаев. Не смей пить коньяк, слышишь?

Вор. Тебя спрошу! Хочу и буду.

Чихаев. Ну, хорошо. Выпей стаканчик и уходи.

Вор. Там видно будет.

ЯВЛЕНИЕ 11

Анна Григорьевна вносит коньяк.

Анна Григорьевна. Вот вам. Пейте, голубчик, на здоровье.

Чихаев. Кушайте, пожалуйста! Вот вам сардины, телятина. Соль? Анюта! Где же соль? Как же ты так, право? Даешь все, а соль забыла.

Анна Григорьевна. Вот соль. *(Кокетливо).* Только уж я вам не передам, а то поссоримся.

Вор *(грубо смеется).* Уж вы тоже скажете. [Пьет].

Чихаев. Сардины, кажется, хороши. Вот вилочка.

Вор. Ладно и так, не убегут. (*Пьет коньяк, заметно хмелея*). Мадам, а вы со мной коньячку, а?

Анна Григорьевна. Я не пью.

Вор (*пьет*). Ну, и ладно. Мне больше останется. Что? (*Смотрит посоловелыми глазами*). Что вы говорите?

Чихаев (*кротко*). Мы ничего не говорим.

Вор. То-то. Охо-хо! Как говорится: сыт, пьян и нос в табаке. Убрать! (*Ковыряет вилкой в зубах; встает, располагается на диване. Благосклонно*). Кто на пианине играет?

Чихаев. Я немножко играю. Только оно расстроено.

Вор. Чорт с ним — не важно. Подумаешь! Меня столько по ухам были, что я уж никакого расстройства не слышу. (*Пауза*). Сыграйте, господин.

Чихаев (*нервно*). Что ты, брат, задумал — ночью играть. Поел и ступай домой.

Вор (*многозначительно*). Эх! Слышал я, братцы вы мои, на Фурштадтской одну барыню. Понимаете? Барыню одну; на Фурштадтской. Слышал. В окно. Маленькая такая. Маленькая, мальенькая, а играет так, что. . .

Чихаев (*вскакивая со отула*). Что тебе сыграть?!

Вор. Это уж ваше дело. Почудней что-нибудь. Чтоб ногтем по сердцу скребло.

Чихаев играет „Ноктюрн" Шопена.

Вор. Это что-ж такое будет?

Чихаев. „Ноктюрн" Шопена.

Вор. Неважно. Трам-блям какой-то. „Ой яблочко ку. . . " изобразите — это я понимаю.

Чихаев. Не играю.

Вор. Извольте, я спою, а вы одним пальцем подберите — штука не большая (*поет, склонив голову, сонный*). Тра-ля-ля-бам, тра-ля..

Чихаев подбирает мотив. Вор, склонив голову и бормоча что-то, наконец засыпает. Чихаев встает, становится рядом с женой, глядит на вора.

Анна Григорьевна. Спит.

Чихаев (*с ненавистью*). Эх, с каким бы я удовольствием ошпарил эту жульническую морду кипятком!

Анна Григорьевна. Вот тебе раз! А сам давеча расхныкался над ним. . . . Мама, да член общества. . . да то, да се. . . Чего ж тогда полицию не позвал?

Чихаев молчит.

Анна Григорьевна. Нужели, он так и будет валяться?

Чихаев. Вот бы по этой проклятой храпящей глотке ножом ка-ак чикнуть!

Анна Григорьевна. А давеча коньяком поил. Шопена играл. Нашел тоже меломана! Друзья-приятели. . .

Чихаев (*молча шагает по кабинету. Вдруг круто поворачивается, падает перед женой на колени. Со стоном*). Не могу больше! Можешь бросить меня, разлюбить, но я не могу больше терпеть этого. Все тебе расскажу! ! Дай только слово, что простишь — сейчас же все расскажу. . . Ничего не потаю!!

Анна Григорьевна. Митя! Ты меня пугаешь. . .

Чихаев. Аня! Клянусь тебе, нет ничего серьезного! . . Видишь ли. . . Я немного увлекся этой. . . Модзалевской. А этот негодяй видел, как я к ней ездил на Фурштадтскую (о, клянусь тебе, ничего серьезного !),

И вот. . . когда ты пошла к телефону. . . он припугнул меня, что расскажет тебе все. . . Аня! Аня! Не презирай меня. . . Клянусь тебе, это — пустяковое увлечение. . . Аня! Я тебя обожаю! . . А Модзалевская для меня ничто. Что мне Фурштадтская! Плевать я хотел на Фуршдатскую! Аня, пойми!

Анна Григорьевна *(стоит, сложив руки, Говорит тихо, но внушительно)*. Дмитрий! За все, что я тебе сделала. . . За мое чувство; за мою преданность; за мою любовь и верность; за то, что я ни на одного мужчину, кроме тебя, не позволила себе песмотреть... За все это ты. . . (*плачет; сразу успокаиваясь*). Что это он, кажется, шевелится?

Чихаев. Какое! Спит проклятое животное, чтоб ему больше не просыпаться! . . У-у-у!..

Анна Григорьевна. Постой! Хорошо.. .О тебе поговорим потом. . . А сейчас сплавим этого. . . Позови швейцара и дворника, а сам уйди в спальню!

Чихаев. Почему. . . уйти в спальню ?

Анна Григорьевна. Подумай, как раз'ярится этот человек, когда увидит, что ты его предал. . . Вдруг бросится на тебя и. . . . Нет! Хотя ты и обидел меня кровно, я не допущу этого!

(Чихаев уходит на цыпочках).

ЯВЛЕНИЕ 12.

Анна Григорьевна, Вор.

Анна Григорьевна (*быстро оглядывается, подбегает к вору, вынимает у него из кармана деньги и свое кольцо, которое надевает на руку*). Ну теперь, кажется, все.

ЯВЛЕНИЕ 13

Входят: Чихаев, дворник, швейцар.

Анна Григорьевна. Ну, вот и прекрасно! А ты ступай в спальню — слышишь? Потом тебя позову.

(Он уходит. Закрывает за ним дверь).

ЯВЛЕНИЕ 14

Анна Григорьевна, Дворник, Швейцар, Вор.

Анна Григорьевна. Возьмите вот этого вот. Забрался к нам и чуть не обокрал.

Швейцар (*встряхивая вора за шиворот*). Ну, ты! Засплался тут! Пора. Вставай. Иттить нам надоть.

Вор (*вскочив, протирает глаза*). Ффу! Уф! Э-э-э. . . (*сокрушенно глядит на Анну Григорьевну*). Предали, черти! Ну, да все равно уж — берите!

Анна Григорьевна (*приостанавливая швейцара и дворника, взявшего вора за шиворот*). Постойте! Вот что, ты. . . как тебя? Муж мне все рассказал сам. Во всем признался. И о Фурштадской рассказал, и о той даме, по-

нимаешь? И я ему. . . тоже все о себе рассказала. Тоже призналась. Так что теперь нам не страшно! Не напугаешь.

Вор (*крякнув, иронически*). Семейка!

(Его уводят).

ЯЛЕВНИЕ 15

Анна Григорьевна одна.

Анна Григорьевна (*ходит по комнате что-то обдумывая. Потом кричит в дверь, за которой сидит муж*). Митя! Можешь идти теперь. Слышишь? Иди!

ЯВЛЕНИЕ 16

Анна Григорьевна, Чихаев.
(Чихаев робко входит, опустив голову. Стоит у стола).

Анна Григорьевна (*сложив руки, глядит уничтожающим взглядом*). Ну-с. . . . А теперь (*отчеканивая*) мы с в а м и поговорим!!!

Занавес.

Телефон номер такой-то

Пьеса в одном действии

Действующие лица:

Муж } Зефировы
Жена }
Молодой человек
Актриса

На сцене две комнаты. Налево будуар госпожи Зефировой, направо — отдельный кабинет ресторана. Между этими комнатами некоторое пространство, изображающее кусочек улицы, наверху видны телефонные провода. В будуаре и в кабинете стоят телефоны.

При поднятии занавеса кабинет пуст, а в будуаре на кушетке полулежит г-жа Зефирова.

I.

Зефирова (*бросая книжку, которую читала*). Какая странная вещь — сердце женщины. С одной стороны я вот сейчас чувствую, как сердце так и ноет: „нельзя обманывать мужа. Муж сейчас работает, спину гнет в

своем правлении и ты должна быть ему верна!" А с другой стороны, сердце так и ноет: „Позови Сергея Николаича! Позови Сергея Николаича! Позови Сергея Николаича!" Позову Сергея Николаича, сделаю плохо мужу. Не позову Сергея Николаича, сделаю плохо себе. Вот тут и вертись... Впрочем (*задумывается*) можно пойти на компромисс: позову Сергея Николаича, но попрошу его, чтобы он держался в рамках. Идея! Именно так и скажу: „Держитесь в рамках!" А раз в рамках, тогда ничего. (*Встает и кричит в дверь*). Катя! Сходи напротив к Сергею Николаичу, скажи, чтобы пришел на минутку! (*отходит от дверей*). Мм... Надо будет принять его поофициальнее... „Сергей Николаич?.. Здравствуйте... Как себя чувствуете? Простите, что я вас побезпокоила, но мне нужно было узнать одну важную вещь..." А какую важную вещь у него спросить? Гм... Спрошу, что такое инкубационный период? Скажу, что читала книгу и наткнулась... Потом, конечно, перейду на сухой светский разговор... „Давно ли видели Виталия Алексеича? Не видели ли новой постановки в Мариинском театре? Когда в последний раз видели..." Впрочем, что это я все — видели да видели... Нет, скажу ему просто, что читала одну книгу, которая произвела на меня сильное впечатление... А если спросит заглавие, скажу, что забыла... Или, что первый листок был вырван... Вообще, буду держаться возможно холоднее, с оттенком

легкой светской рассеянности: „что вы сказали? Ах, я задумалась и не расслышала, простите. . . Уж, уходите, ну до свидания! Спасибо, что навестили одинокую отшельницу!“ Тсс. . . Идет!

[Отбегает к кушетке, садится, принимает натянутую позу; вдруг вскакивает, подбегает к зеркалу, пудрит нос, садится, принимает прежнюю позу].

2

[Входит молодой человек.

Мол. человек *(остановившись, рассматривает застывшую в напряженной позе хозяйку)*. Какой прекрасный экземпляр египетской статуи. . . Какой ученый откопал ее?

Зефирова (*неожиданно разражается смехом, бросается на шею к молодому человеку*). Ах, ты, Сережа, такой веселый, что я не могу выдержать! Ха, ха, ха! так без тебя скучно было! Почему ты не приходил?

Мол. человек. Да, ведь, ты же сказала, чтобы ноги моей у вас не было. А на руках я еще ходить не умею.

Зефирова. Что же ты делал?

Мол. человек. Учился ходить на руках. . . Сколько перчаток истоптал. Постой. . . (*смотрит на нее*). Целовал я тебя или нет? . . .

Зефирова (*серьезно*). А знаешь?. . . . Кажется нет.

Мол. человек. Ты это наверное помнишь?

Зефирова. Наверное.

Мол. человек. Придется искать выход из этого положения. . .

(Целует).

3

В кабинет на правой стороне входит муж — Зефиров, в руках у него букет цветов.

Зефиров (*останавливается в задумчивости*) Свинство, собственно говоря. . . жена сейчас сидит дома одна, скучает, думает, что торчу у себя в правлении, вечернюю работу обрабатываю. Хороша вечерняя работа! . . А Жужу все еще нет. Позвонить пока что жене. . . Надо же все таки. . . (*Подходит к телефону*). Центральная? . . . Барышня, дайте 720—19. . . Алло! . . .

(В будуаре звонок)

Мол. человек (*сидит у телефона, снимает трубку, машинально*). Алло! Что нужно?

Зефиров. Мужской голос. . . Гм. . . Это квартира Зефирова?

Мол. человек. Родовспомогательный институт. . . Что угодно. . .

Зефиров. Тьфу! (*бросает трубку, звонит*). Барышня! Что вы мне другой номер даете? Что? Да, . . знаем мы, как тот же самый. . . Я прошу 720—19. Готово?

Молодой Человек снова хочет взять трубку, но Зефирова ее отнимает, легкая борьба.

Зефирова (*зевая*). А, а. . . Кто говорит?

Зефиров. Это ты, Маруся?

Зефирова. А, Митя! Да, я . . . Лежала тут на диване . . . задремала . . . Ты что делаешь?

Зефиров. Я. . . Этого. . . Вот работаю тут. . . Отчет очень запустили . . . Что? (*делает вид, что говорит с кем-то, отрываясь от телефона*). Николай Иванович, вы эту ведомость перепишите заново, а Поликарпову скажите, чтобы он подсчитал остаток кассы. . . Прости, милая . . . Все дела, дела. . . (*кричит*). Попросите Мартынова с'ездить к директору. У нас тут милочка, понимаешь, такая работа. . слышишь как на счетах щелкают. . . (*прищелкивает пальцами*). Дело в том, что мы должны ежемесячную отчетность сдавать к пятнадцатому... (*молодой человек подходит к Зефировой, обнимает ее, она оборачивается к нему, целует, держа трубку далеко от себя. Зефиров продолжает говорить*). Ну, к пятнадцатому мы и сдали бы, да тут захворал вице-директор, а наш новый председатель Звягинцев уехал в отпуск не. . .

Зефирова. (*прикладывая трубку к уху*). Что ты говоришь?

Зефиров. Я говорю, уехал в отпуск. . .

Зефирова. Ага, это хорошо, ну дай Бог. . .

Зефиров. Куда там к чорту хорошо. . . Именно и не хорошо. И вот я сейчас кончаю просмотр баланса.

(Молодой человек все время дергает Зефирову за платье, мешая ей слушать, пытается поцеловать).

Зефирова. Отстань, с ума ты сошел!

Зефиров. Что? Кто сошел с ума? Алло!.. Это ты, Маруся?

Зефирова. Конечно, я. (*отбивается от молодого человека*). Пошел, не мешай!

Зефиров. Кто там, Маруся, кого ты гонишь?

Зефирова. Кошка тут забралась... Киска, кисанька. (*Гладит молодого человека по щеке*).

[Мол. Чел. заливается смехом, бросается на кушетку, катается по ней.

Зефиров. Прогони ее — вот и все!... Ну и понимаешь, этот директор...

Мол. человек. Ну, мне это уже надоело, (*Вскакивает, отнимает у Зефировой трубку говорит грубым голосом*). Алло! Центральная? . Что же вы мне не даете аптеки, барышня? Тут человек умирает, а вы...

Зефиров. Алло! Алло! Кого там присоединили?

Мол. человек. Алло, алло, кто говорит?.. Аптека?

Зефиров. Кой чорт аптека? Это квартира. Зефирова?

Мол. человек (*понизив голос*). Что? Говорят из сигнальной будки городской водопроводной башни!..

Зефиров. Тьфу! Дайте отбой! (*звонит*). Барышня! Дайте 720—19. . .

(Зефирова снова берет телефонную трубку).

Зефирова. Алло! Ты Митя? Эти телефон-

ные барышни прямо с ума сходят. . . Только все о возлюбленных, наверное, и думают. . .

Зефиров. Все таки, хотя я и работаю — мне неприятно, что ты скучаешь. . .

Зефирова. Ты знаешь, невероятная тоска, действительно. Одна, одна, в этих проклятых четырех стенах. . . (*к молодому человеку*). Пошел!

Зефиров. Кто пошел?

Зефирова. Дождь.

Зефиров. Бедняга . . Тут ей скучно, а еще дождь. . . Хотела бы ты, чтобы я очутился чейчас около тебя?

Зефирова (*быстро*). Не дай Бог.

Зефиров. Что? Почему не дай Бог!

Зефирова. Да ведь тебе работать нужно, а если ты отвлечешься для меня, то пострадает работа. . . А работа милостивый государь, это все!

Зефиров (*восторженно*). Что за умница!

Зефирова (*шаловливо прижимая к себе голову молодого человека*). Нет, уж я лучше одна посижу. . . помечтаю тут о тебе. . . Одна, одна. . . одна одинешенька. . . Да, я тебе еще не рассказывала! Была я нынче утром у Катерины Афанасьевны. . . Можешь себе представить — она сшила себе платье и оно оказалось не в пору. . .

4.

В правый кабинет входит Актриса. Она в пальто, в шляпе, осматривает накрытый стол, вино, бросается с шумом в кресло.

Зефиров, увидя ее, кладет трубку на стол, бросается к актрисе, целует ее.

Зефирова (*продолжая рассказывать*). И представь себе, она заявляет портнихе: это, говорит, вы испортили. я не такая толстая. . . А она ей: мадам, ведь две недели прошло, как мерку снимали, за это время вы, значить и располнели. Наверное, говорит, кушали много. Ты, представь себе, как она взбелинилась: „ как это так кушала? Что вы меня кушаньем попрекаете? Значит, я для вашего удовольствия должна с голоду помирать? Значит, вам мой кусок поперек горла стал? Вы мне и то синее испортили, и что я вам в прошлом месяце заказывала, и юбку говорит, впереди сузили...

Зефиров (*сняв с актрисы манто и шляпу и увадив ее в кресло, бросается к телефону, прикладывает трубку*). Да, да! Что ты говоришь? Это прямо непостижимо. . .

[кладет снова трубку, бросается к актрисе, наливает ей вина, начинают есть.

Зефирова (*продолжает говорить*). А портниха. . . представь себе, вдруг говорит: „не знаю, сузила юбку вам или нет, но раз вы мне до сих пор за нее не заплатили, то не все ли вам равно — испорчена она или нет. . .“ Как тебе нравится такой тон? Не мне она это сказала! Я б ей ответила. . . Ты помнишь прошлогодний случай со мной в ювелирном магазине. (*Пауза*). Помнишь. . . Алло. . . Помнишь. . . Почему ты не отве-

чаешь? Алло! . . Ты слушаешь? Вот безобразие! Опять раз'единили. . .

Мол. человек. Ну и чорт с ним.

Зефирова. Действительно.

(Садится около него, гладит его голову).

Зефиров *(встает из-за стола, бежит к телефону)*. Да что ты говоришь?! Это, правда, прямо что-то удивительное. . . *(прислушивается)*. Алло. . . *(полное молчание)*. Значит раз'единили. *(Возвращается, садится в кресло. Актриса усаживается на спинку кресла, кормит его виноградом)*. Какая ты странная, — я с какой-то женщиной разговариваю по телефону, а ты даже не спрашиваешь с кем. . .

Актриса. Зачем же тебя спрашивать?

Зефиров. Ну, если ты, скажем, меня ревнуешь?

Актриса. Ты хочешь, чтобы я тебя ревновала? Ну, хорошо, буду *(шутливо)*. С кем это ты сейчас разговаривал?

(хватает его за горло)

Зефиров. С женой.

Актриса *(хладнокровно опуская руки)*. Ну, вот видишь — с женой. . . Поэтому я тебя и не ревную. . . Скажи, у тебя жена хорошая? . .

Зефиров. Очень.

Актриса. И тебе не изменяет?

Зефиров. Ты с ума сошла!!

Актриса. А представь себе, ты сейчас сидишь со мной, а у нея какой-нибудь этакий красавчик, с черными усиками. . .

Зефиров. Ты. . . ты. . . с ума сошла. . . Этого не может быть. . . Я . . . сейчас. . . (*бросается к телефону, бешено надавливает кнопку*). Алло! Алло! Это центральная? Барышня! Алло-о-о. Это центррррр-а-а-а-а-альная?!.. Что вы там спите, барышня? Я буду жаловаться!! Что? Дайте 720-19 . .

[В будуаре резкий звонок).

Мол. человек (*замечтавшийся около Зефировой в ужасе вскакивает, бросается к телефону*). Алло! Кого надо!?

Зефиров. Это какой номер?

Мол. человек. Бюро с'езда врачей алкоголиков. . .

Зефиров. Опять не туда попал.

Мол. человек. Чего же ты, старый дурак, зря звонишь?

Зефиров. Не слышу, повторите.

Мол. человек. Если вы осел, так не беритесь разговаривать по телефону.

Зефиров. Ага! Хорошо, хорошо . . . Я распоряжусь. До свидания.

Мол. человек. Чтоб тебя трамваем переехало! . .

(вешает трубку, отходит.)

Зефиров (*звонит снова*). Барышня! Да что

же это такое?! Русским язы ... Алло! Русским язы ... Алло! Чорт вас побери. Русским языком я вам говорю, дайте мне номер семь-сот двадцать (*очень ласково*) и девятнадцать, понимаете? . . (*медовым голосом*). Семьсот двадцать и девятнадцать. Готово. Ну, спасибо. (*Другим тоном*). Спасибо, чтоб чорт тебя побрал!

(В будуаре звонок)

Зефирова. Это наверное муж. Алло! Ты, Митя? Нас, кажется раз'единили.

Зефиров. Да. Вообще, знаешь, этот телефон. Что ты делаешь?

Зефирова. Ничего.

Зефиров (*мнется*). Ага . . . Ничего? Ну, ну . . . Ты одна?

Зефирова. Кто же у меня может быть в одиннадцать часов ночи?

Зефиров. Послушай.

Зефирова. Ну, что . . .

Зефиров. Маруся, кхе . . . Ты меня любишь?

Зефирова. Что за вопрос . . . конечно, люблю.

Зефиров. (*тихо в трубку*). Ну . . . поцелуй меня по телефону.

Зефирова. Хоть десять раз. (*Усаживается на колени к молодому человеку, звучно целует его*). Слышал?

Зефиров. Ой, как хорошо! Ну еще.

Зефирова (*целует молодого человека*). Вот тебе еще и еще.

Зефиров. Ну, спасибо. Ты меня успокоила . . .

(Актриса подходит к нему, садится на спинку кресла, в котором сидит Зефиров)

Мол. человек (*отнимает у Зефировой трубку*). Дай-ка, я с ним переговорю . . . (*Грубым голосом*). Что, матушка, отец Симеон дома?

Зефиров. Фу ты, чорт . . . Опять кто-то присоединился! Алло! . . Какого вам отца Симеона? . .

Актриса. Ха, ха, ха . . . Отец Симеон? . . Дай-ка я с ним поговорю. Послушайте, на что вам нужен отец Симеон? Венчаться?! Хотите за меня замуж? Ха, ха . . .

Мол. человек. Боже! Знакомый голос! Жужу, это ты . . .

Актриса. Неужели, Сережа? Здравствуй. . . Как это ты туда попал?!

Мол. человек. Куда туда? Да я у себя . . .

Актриса. Не лги, миленький. Мы сейчас звонили совсем по другому телефону.

Мол. человек (*с горьким смехом*). „Мы"! Ты значит, Жужу, не одна? Ты с мужчиной? . . Подожди же!

Актриса. Сережа, клянусь тебе. . .

Зефирова (*отнимая трубку*). Подожди же, я с ней поговорю. . .

Зефиров (*отнимая трубку*). Дай-ка мне трубку, я этому молодцу отвечу, как следует. . . Алло! Послушайте, молодой человек.

Зефирова. Это ты, Митя?

Зефиров. Господи, Маруся, что за чудеса! (*Сладким голосом*). Здравствуй, Маруся, не спишь еще?

Зефирова. Нет. . . Скажи, где ты сейчас находишься?

Зефиров. Ну, как же! В правлении (*кричит в сторону*), Павел Николаевич, принесли бумаги для подписи? Скажите курьеру, чтобы он позвал делопроизводителя! Да, так о чем, Маруся, я тебя хотел спросить... Алло!

Актриса. Сережа у нея! . . Нет уж этого я не прощу! . . Он у меня узнает. . . Сейчас же иду домой. . . и. . .

(хватает шляпу, накидку, кое как надевает—убегает, не простившись).

Мол. человек (*в это же время*). Она с каким то мужчиной. Нет, этого я не допущу. Она у меня узнает, как с мужчинами. . Она узнает. . .

(хватает шляпу — убегает).

Зефиров. Так вот понимаешь, Маруся, я так занят, столько работы. . . (*оглядываясь*). Впрочем, я уже свободен. Кончил! Сейчас приеду. . .

Зефирова. Сейчас?! (*оглядываясь*). Сейчас?. Ну, что ж. . . Приезжай, я буду очень рада...

Зефиров. Жди.

Зефирова. Жду.

Зефиров (*чмокает воздух*). Целую!

Зефирова (*чмокает воздух*). И я. . .

Зефиров (*бросает трубку*). А, чтоб ты провалилась!

Зефирова (*бросает трубку*). Чтоб ты себе по дороге ногу сломал!

Занавес.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Приглашение на концерт 5
Птичья головка 16
Сердцеед 27
Драма в доме Букиных 32
Самоубийца 41
Знаменитый паноптикум 56
Ключ 64
Черная и белая кость 72
Бочка красного вина 84
Флирт Розенберга 91
Женщина и вор 97
Телефон номер такой-то 114